

Здесь обитают призраки

Автор:

Джон Бойн

Здесь обитают призраки

Джон Бойн

Новый роман непредсказуемого Джона Бойна – удивительная и странная история о таинственном поместье, в котором юная девушка в одиночку пытается разобраться с чередой зловещих событий. Элайза родилась в приличной, но обедневшей семье. После смерти матери ее отец затосковал и вскоре отправился вслед за женой, подхватив смертельную простуду по дороге на выступление Чарльза Диккенса. Элайза осталась одна на всем белом свете и, наткнувшись на газетное объявление о вакансии гувернантки, решила переменить жизнь – уехать из Лондона в графство Норфолк. В Годлин-холле Элайзу ждут два воспитанника, которые увивают от любых вопросов о том, где находятся и когда наконец появятся их родители. Каждый день Элайза сталкивается со все новыми странностями и в результате осознает, что старый дом – обиталище чего-то таинственного и пугающего. И никакая рассудительность, никакое трезвомыслие не позволяют Элайзе отрицать страшную правду о том, какова природа этого зловещего невидимого обитателя.

Вдохновляясь «Джен Эйр» Шарлотты Бронте, «Поворотом винта» Генри Джеймса и творчеством Чарльза Диккенса и Артура Конан Дойля, Джон Бойн написал готический роман. Впрочем, роман Бойна – это не только литературный и сюжетный аттракцион, в книге поднимаются и очень современные, совсем не свойственные викторианской прозе темы.

Джон Бойн

Здесь обитают призраки

Посвящается Шинейд

THIS HOUSE IS HAUNTED

by John Boyne Copyright © 2013 by John Boyne

Издатель выражает признательность за финансовую поддержку Ireland Literature Exchange (Фонд перевода) Дублин, Ирландия

www.irelandliterature.com (<http://www.irelandliterature.com/>)

info@irelandliterature.com (<mailto:%20info@irelandliterature.com>)

Книга издана с любезного согласия автора и при содействии Литературного агентства Эндрю Нюрнберга

Глава первая

Лондон, 1867 г.

В папенькиной кончине, думается мне, повинен Чарльз Диккенс.

Обращая мысленный взор к той минуте, когда в жизни моей ужас сменил безмятежность, а естественное обернулось немислимым, я зрю себя в гостиной скромного нашего дома в тесном ряду таких же домов поблизости от Гайд-парка – я разглядываю потрепанную кромку коврика у камина и раздумываю, следует ли самой подправить его или стоит потратиться на новый. Безыскусные домашние помыслы. В то утро шел дождь, робкий, но затяжной; отвернувшись от окна, я взглянула на себя в зеркало над камином и пала духом. Да, я никогда не была миловидна, однако в то утро мне почудилось, что кожа моя бледнее

обычного, а темные волосы всклокочены и жестки. Облокотившись на стол и ладонями обняв чашку, я несколько ссутулилась и теперь выпрямила спину. Я улыбнулась своему отражению – глупо, глупо, – надеясь, что напускное довольство сделает мой облик приятнее, и испугалась, заметив, как из нижнего угла зеркала на меня взирает другое лицо, гораздо меньше моего.

Я ахнула, прижав ладонь к груди, затем рассмеялась собственной неразумности – лицо это было всего лишь отражением портрета моей покойной маменьки, что висел на стене у меня за спиной. Зеркало отразило нас обеих, и в сравнении с маменькой я проигрывала, ибо она была женщиной весьма красивой: у нее большие блестящие глаза – у меня узкие и тусклые, у нее женственный подбородок – мой скорее резок и мужествен, у нее стройное сложение – я же крупна и нелепа.

Разумеется, я не впервые видела этот портрет. Он так давно висел на стене, что я, пожалуй, и вовсе его не замечала: нередко мы negliжируем тем, что нам знакомо, – диванными подушками, близкими людьми. Однако в то утро лицо ее отчего-то привлекло мое внимание, и я наново оплакала ее кончину, хотя более десяти лет миновало с тех пор, как она отошла в мир иной, я тогда была еще почти дитя. И я задумалась о загробном мире, о том, где после смерти обрела покой ее душа, приглядывает ли она за мною все эти годы, радуется ли моим маленьким победам, горюет ли над несметными моими оплошностями.

Утренний туман уже заволакивал улицу за окном, и упрямый ветер рвался в дымоход, прокладывая путь по шаткой кладке и, едва слабея, влетал в гостиную, а потому я плотнее куталась в шаль. Я дрожала и мечтала возвратиться в тепло своей постели.

Впрочем, от грез меня восторженным возгласом отвлек папенька, что сидел напротив; не доев селедку и яичницу, он листал «Иллюстрированные лондонские вести»[1 - «Иллюстрированные лондонские вести» (The Illustrated London News, 1842–2003) – первая в мире газета с иллюстрациями (до 1971 г. еженедельная); в описываемый период ее тираж составлял около 300 тысяч экземпляров. – Здесь и далее примеч. перев. Переводчик благодарит за поддержку Евгения Левина.]. Они лежали нечитанными на столике в гостиной с прошлой субботы, и в то утро я как раз собиралась их выбросить, однако папеньке взбрело в голову проглядеть газету за завтраком. Я удивленно вскинула взгляд – мне почудилось, что родитель мой чем-то подавился, – но лицо его покраснелось от удовольствия, он сложил газету пополам и передал мне,

постучав по странице.

- Посмотри, голубушка, – промолвил он. – Чудеснейшая весть!

Я взяла газету и взглянула на означенную заметку. Речь в ней велась о некоей крупной лондонской конференции, где перед Рождеством намечалось обсудить дела касательно Североамериканского континента. Я прочла абзац-другой, но меня обескуражил политический лексикон, призванный, вероятно, завлечь и вместе с тем раздосадовать читателя; наконец, я в растерянности взглянула на папеньку. Прежде он не обнаруживал интереса к американским делам. Мало того, не раз и не два он заявлял, что люди, поселившиеся по ту сторону Атлантического океана, – не более чем враждебные и подлые варвары, не достойные независимости, а предоставление им таковой есть предательство Короны, за что отныне и во веки веков проклято само название Портленда[2 - В начале американской Войны за независимость, 18 октября 1775 г., корабли британского королевского флота сожгли колониальный порт Фалмут, штат Мэн, в назидание всем, кто поддерживал американских патриотов, желавших отделиться от Британии; событие это, разумеется, только укрепило патриотические настроения среди населения города. В 1786 г. жители Фалмута основали Портленд на месте городского портового района. В 1866 г., за год до описываемых в романе событий, во время празднования Дня независимости в Портленде случился пожар, после чего город пришлось по большей части отстраивать заново.]

- И что с того? – спросила я. – Надеюсь, вы не собираетесь отправиться туда протестовать? Вряд ли музей одобрит ваше участие в политических делах.

- Что? – озадаченно спросил он, а затем потряс головою: – Нет-нет. На этих негодяев не обращай внимания, они уже приговорили себя и пускай теперь хоть сгорят в аду. Нет, слева, с краю. Объявление.

Я снова взяла газету и тотчас поняла, о чем он ведет речь. В объявлении сообщалось, что в пятницу, завтра вечером, знаменитый на весь мир писатель Чарльз Диккенс прочтет отрывки из своих работ в лектории Найтсбриджа, всего в полчаса ходьбы от нашего обиталища. Желающим рекомендовалось явиться пораньше, ибо всем известно, что послушать мистера Диккенса неизменно собирается большая толпа восторженных поклонников.

– Нам непременно следует пойти, Элайза! – вскричал папенька, просияв, и по такому случаю отправил в рот кусок селедки.

Снаружи ветер сбил с крыши кусок шифера, и тот с грохотом упал во двор. Что-то заскребло по свесу.

Прикусив губу, я перечитала объявление. Папеньку донимал неотступный кашель, терзавший его грудь уже неделю, и улучшения не наблюдалось. Двумя днями ранее родитель мой посетил врача, и ему прописали флакон зеленой клейкой жижи – я понуждала его принимать лекарство, однако, на мой взгляд, пользы оно не приносило. Папеньке, пожалуй, становилось только хуже.

– Вы считаете, это здравая мысль? – спросила я. – Ваш недуг еще не отступил, а погода весьма неприветлива. Быть может, осмотрительнее еще несколько дней побыть дома у камина?

– Вздор, голубушка, – возмутился он, в ужасе от того, что я лишу его столь замечательного развлечения. – Уверю тебя, я почти встал на ноги. Завтра к вечеру совершенно оправлюсь.

Словно желая опровергнуть свои заверения, он тотчас глубоко и продолжительно закашлялся и был вынужден отвернуться, покраснев лицом и истекая слезами. Я кинулась в кухню, налила воды, поставила перед ним стакан, и папенька от души глотнул, а затем улыбнулся мне с некоторым даже озорством.

– Организм прочищается, – пояснил он. – Я тебе клянусь, мне лучше с каждым часом.

Я глянула за окно. Будь на дворе весна, свети солнце в цветущих кронах, я бы, возможно, с легкой душой согласилась с его доводами. Но на дворе была не весна – стояла осень. Мне виделось безрассудным рисковать исцелением, дабы услышать, что поведает публике мистер Диккенс, в то время как подлинные слова романиста заключены под обложками его романов.

– Посмотрим, каково будет завтра ваше самочувствие, – примирительно молвила я, ибо незачем было принимать решение сию же минуту.

– Нет уж, решим сейчас и на том условимся, – возразил папенька, отставив стакан и потянувшись за трубкой. Он вытряхнул вчерашний пепел в блюдце и наполнил чашечку табаком того сорта, что предпочитал с юности. По гостиной поплыл знакомый аромат корицы и каштана; к папенькиному табаку примешивалась добрая порция специй, и я, почуяв этот запах, всякий раз вспоминаю домашнее тепло. – Музей отпустил меня передохнуть от трудов до конца недели. Я побуду дома сегодня и завтра, а потом мы наденем теплые пальто и вместе отправимся послушать мистера Диккенса. Ни за что на свете я не желаю это пропустить.

Я со вздохом кивнула, понимая, что он, как бы ни полагался на мой совет, в своем решении намерен упорствовать.

– Превосходно! – воскликнул он, затем чиркнул спичкой, несколько мгновений подождал, дабы выгорела сера, поднес огонь к трубке и затянулся так блаженно, с таким удовольствием, что я невольно улыбнулась. В сумраке гостиной, в свете камина, свечей и трубки папенькина кожа была призрачно тонка, и улыбка моя слегка поблекла, едва я разглядела, как сильно он постарел. Когда переменились наши роли, спросила я себя, – как случилось, что он, родитель, испрашивает дозволения развлечься у меня, его дочери?

Глава вторая

Всю свою жизнь папенька читал запоем. В кабинете на первом этаже, куда он удалялся, желая побыть наедине с мыслями и воспоминаниями, у него имелась придирчиво составленная библиотека. Целую стену занимали тома, посвященные энтомологии – предмету его особого интереса с ранних лет. В детстве его, рассказывал папенька, родители немало ужасались, наблюдая десятки живых насекомых образчиков, населявших стеклянный ящик в углу детской. В противоположном углу располагалась другая витрина, где экспонаты выставлялись посмертно. Естественное перемещение насекомых из одного угла в другой доставляло папеньке великое удовлетворение. Разумеется, он не желал им смерти и предпочитал изучать их привычки и взаимоотношения при жизни, однако прилежно вел дневники, описывая свои экспонаты в периоды развития, взросления и разложения. Не приходится удивляться, что горничные восставали против уборки в детской, – одна даже уволилась, вознегодовав на просьбу там

прибраться, – а папенькина мать отказывалась переступить порог его обители. (У семейства в те времена имелись средства – отсюда и прислуга. Старший брат, скончавшийся много лет назад, растранил наследство, и потому нам большей частью было отказано в подобной роскоши.)

Подле томов, живописующих циклы развития матки термитов, кишечный тракт жука-дровосека и манеру спаривания веерокрылых, располагались досье, где хранилась многолетняя папенькина переписка с мистером Уильямом Кёрби, дражайшим наставником, кто в 1832 году, едва папёнька достиг совершеннолетия, предложил ему первое место и жалованье – должность помощника в новом норвичском музее. Позднее мистер Кёрби привез папёньку с собою в Лондон, пособить в создании Энтомологического общества, вследствие чего папёнька со временем получил место куратора по энтомологии в Британском музее – работу, которую он обожал. Я его страсти не разделяла. Насекомые мне отвратительны.

Мистер Кёрби скончался лет шестнадцать назад, но папёнька вновь и вновь перечитывал корреспонденцию и заметки, с наслаждением следя за приобретениями, каковые привели к тому, что общество, а впоследствии и музей стали обладателями столь замечательной энтомологической коллекции.

Все эти «насекомые книги», как я в шутку их величала, стояли в шкафу у стола – аккуратно, хотя своеобразный их порядок всем, кроме папёньки, оставался непостижим. А на противоположной стене, подле окна и кресла, где было несравненно светлее, помещалась куда менее внушительная книжная коллекция – одни сплошные романы, – и на этих полках наилучшим образом представлен был, разумеется, мистер Диккенс, кому, по мнению папёньки, не было равных на свете.

– Хорошо бы он сочинил роман не о сиротке, а о цикаде или кузнечике, – однажды заметила я. – Надо полагать, вы бы тогда очутились на седьмом небе.

– Голубушка, ты забываешь «Сверчка за очагом»^[3] – «Сверчок за очагом. Семейная сказка» (The Cricket on the Hearth. A Fairy Tale of Home, 1845) – рождественская повесть Чарльза Диккенса, в которой сверчок выступает ангелом-хранителем семейства главных героев.], – возразил папёнька. До его познаний в творчестве мистера Диккенса прочим смертным было очень и очень далеко. – Не говоря уж о семейке пауков, что поселилась в нетронутым свадебном пироге мисс Хэвишем^[4] – Мисс Хэвишем – персонаж романа Диккенса

«Большие надежды» (Great Expectations, 1861), старая дева, которую ограбил и бросил у алтаря жених.]. Или о ресницах Битцера в «Тяжелых временах». Как это он их описывает? «Словно усики суетливых букашек»[5 - Пер. В. Топер.], если мне память не изменяет. Нет, насекомые у Диккенса возникают то и дело. Рано или поздно он посвятит им отдельный труд. Сдается мне, в душе он подлинный энтомолог.

Ознакомившись почти со всеми романами Диккенса, я сомневаюсь в папенькиной правоте, однако он читал эти книги не ради насекомых – его увлекали истории. Помнится, после маменькиной кончины, когда я возвратилась от корнуольских теток, папенька впервые улыбнулся, перечитывая «Посмертные записки Пиквикского клуба», коих главный герой неизменно смешил его до слез.

– Элайза, тебе необходимо это прочесть, – сказал он, когда мне минуло тринадцать, и предъявил «Холодный дом». – Это роман поразительных достоинств и гораздо точнее описывает наши времена, нежели дешевые книжонки, к которым ты питаешь склонность.

Я раскрыла этот том с тяжелым сердцем, и оно все тяжелело и тяжелело, пока я пыталась постичь суть и назначение дела «Джарндисы против Джарндисов», однако папенька, разумеется, оказался прав: едва я продралась сквозь первые главы, предо мною распахнулась история, я от души сопереживала Эстер Саммерсон, и меня совершенно заорожила ее любовь с доктором Вудкортом, честным человеком, который боготворит ее, несмотря на ее невзрачность. (Я прекрасно понимала Эстер, хотя, конечно, она потеряла красоту, заболев оспой, я же свою никогда и не находила.)

До грудного недуга папенька был человеком крепким. В любую погоду он пешком ходил в музей по утрам и пешком возвращался вечерами, не желая пользоваться omnibusом, что доставлял бы его почти напрямик от нашего дома к музейным дверям. В те недолгие годы, что мы держали дворняжку по имени Фонарик, существо гораздо добрее и скромнее, нежели несчастный подопечный Билла Сайкса[6 - Фонарик (Bull's-Eye) – собака персонажа второго романа Диккенса, «Приключения Оливера Твиста» (Oliver Twist; or, The Parish Boy's Progress, 1837–1839), пер. А. Кривцовой.], папенька дважды в день ходил с нею гулять в Гайд-парк, кидал ей веточки в Кенсингтонских садах или отпускал вольно побегать по берегам Серпентайна, где как-то раз, по его словам, заметил, что у воды сидит и плачет принцесса Елена. (Почему? Не ведаю.

Папенька подошел, осведомился о ее здравии, но она лишь отмахнулась[7 - Принцесса Елена Августа Виктория, в браке принцесса Шлезвиг-Гольштейнская (1846–1923) – пятый ребенок королевы Виктории и принца Альберта; как и ее мать, принцесса очень тяжело переживала смерть принца Альберта в 1861 г., из-за чего первые годы после его смерти ее не удавалось привлечь к королевским делам – она в любой момент могла разрыдаться.].) Он никогда не опаздывал ко сну и до утра беспробудно почивал. Он умеренно питался, не пил лишнего, не отличался чрезмерной худобой либо грузностью. Не имелось ни малейших причин подозревать, что он не доживет до глубокой старости. И однако он не дожил.

Быть может, мне следовало настоятельнее отговаривать его от посещения лекции, но в душе я знала, что как бы папенька ни любил притворяться, будто во всех домашних делах полагается на меня, никакие доводы не помешают ему отправиться через парк в Найтсбридж. Невзирая на свою пылкую читательскую любовь, он пока не имел удовольствия лицезреть мистера Диккенса, а было широко известно, что публичные чтения последнего едва ли не затмевали все то, что давали на сценах театров Друрилейн или Шафтсбери-авеню. Посему я промолчала, подчинилась родительской власти и согласилась, что можно и пойти.

– Не суетись, Элайза, – сказал папенька, когда, выходя из дома в пятницу вечером, я посоветовала ему по меньшей мере надеть второе кашне: внезапно похолодало, и, хотя за весь день дождя не пролилось ни капли, небеса посерели. Папенька, однако, хлопот вокруг себя не любил и мой совет пропустил мимо ушей.

Под руку мы зашагали к Ланкастерским воротам, оставили слева Итальянские сады и аллеей пересекли Гайд-парк. Спустя минут двадцать выйдя из ворот Королевы Елизаветы, я как будто заметила в тумане знакомое лицо и, сощурившись, ахнула, его разглядев, – не этот ли облик, отражение моей покойной маменьки, явился мне в зеркале вчера утром? Я прижалась к папеньке и в потрясении остановилась, он удивленно обернулся ко мне, а затем дама возникла из туманных миазмов и приветствовала меня кивком. Разумеется, то была не маменька – а как иначе? – но она сошла бы за сестру или кузину моей родительницы, ибо лоб ее и глаза обладали поразительным сходством с маменькиными чертами.

Почти тотчас начался дождь – на головы и плечи нам обрушились тяжелые капли, прохожие ринулись в укрытия. Я вздрогнула; призрак прошел по моей могиле. Мы нашли бы укрытие под большим дубом чуть дальше по улице, и я показала туда, однако папенька покачал головой и пальцем пристукнул по карманным часам.

– Если поспешим, через пять минут доберемся, – сказал он и направился по улице, ускорив шаг. – А если спрячемся, все пропустим.

Я кляла себя за то, что забыла зонтик, – я поставила его у двери, пока мы спорили о кашне; под проливным дождем мы побежали по собирающимся лужам и прибыли к месту назначения мокрые насквозь. В вестибюле я дрожа стянула сырые перчатки; я мечтала вновь очутиться в уютном нашем доме у камина. Папеньку одолел приступ кашля, словно выворачивавшего наизнанку самую его душу, и я ненавидела прочих зрителей, что презрительно косились, минуя нас. Папенька оправился лишь через несколько минут, я хотела было вызвать кэб и возвратиться домой, но он не пожелал и слушать, решительно зашагал в зал, и я пошла за ним, ибо что мне оставалось делать в подобных обстоятельствах?

Людей внутри собралось с тысячу, все они тоже промокли, всем им тоже было неуютно; запах мокрой шерсти и пота наполнял зал. Я огляделась, надеясь отыскать уголок потише, но почти все места уже были заняты, и нам пришлось сесть в центре ряда, среди других зрителей, одолеваемых дрожью и чихом. По счастью, долго ждать нам не пришлось – спустя считанные минуты мистер Диккенс вышел на сцену, и мы встали, приветствуя его громовыми аплодисментами и криками во все горло, отчего писатель, по всей видимости, возрадовался: он раскинул руки, словно желая обнять нас всех разом, и принимал наши восторги, как будто иной дани и не ожидал.

Непохоже было, что он желает прекращения овации, и миновало еще по меньшей мере минут пять, прежде чем он приблизился к рампе, замахал руками, подразумевая, что следует ненадолго поунять обожание, и позволил нам снова сесть. Лицо у него было землистое, волосы и борода несколько растрепанные, однако жилет и костюм из богатой ткани – мне даже отчего-то захотелось ее пощупать. Любопытно, подумала я, как он живет. Вправду ли он с равной непринужденностью бродит проулками Ист-Энда и прохаживается великосветскими коридорами замка Бэлморал[8 - Замок Бэлморал построен в 1390 г. сэром Уильямом Драммондом в Абердиншире, Шотландия, приобретен королевой Викторией и принцем Альбертом в 1848 г. и существенно перестроен;

после смерти принца Альберта королева уезжала туда все чаще и проводила в замке по несколько месяцев в год.], куда королева в трауре, говорят, приглашала его выступать? Вправду ли в окружении воров, карманников и проституток он бывал так же непринужден, как в обществе епископов, министров и крупных промышленников? В наивности своей я и вообразить не могла, каково это – быть столь искушенным человеком, знаменитым по обе стороны океана и всеми любимым.

Он воззрился на нас, и на губах его играла тень улыбки.

– Здесь присутствуют дамы, – начал он, и голос его гулко разнесся по залу. – Я бесспорно этим счастлив, однако обеспокоен не менее того, и надеюсь, что ни одна из вас не обладает повышенной чувствительностью, присущей вашему полу. Ибо, дражайшие мои читатели, друзья мои, мои *literati*[9 - Знатоки литературы (лат.)], сегодня я не стану развлекать вас нелепыми разглагольствованиями высокочтимого Сэма Уэллера. Я не развею мрак повествованием о храбрости возлюбленного моего мальчика мистера Копперфильда. Я не трону душевных струн живописанием последних дней несчастного ангелочка, маленькой Нелл Трент[10 - Сэм Уэллер – персонаж первого романа Чарльза Диккенса, «Посмертные записки Пиквикского клуба» (*The Posthumous Papers of the Pickwick Club*, 1836–1837), слуга и компаньон мистера Пиквика, ловкач и остроумец. Дэвид Копперфильд – главный герой романа «Жизнь Дэвида Копперфильда, рассказанная им самим» (*The Personal History, Adventures, Experience and Observation of David Copperfield the Younger of Blunderstone Rookery [Which He Never Meant to Publish on Any Account]*, 1849–1850). Нелл Трент – главная героиня романа «Лавка древностей» (*The Old Curiosity Shop*, 1840–1841).], храни Господь ее душу. – Он помолчал, дабы напряжение возросло; мы наблюдали за ним, уже околдованные. – Сегодня, – продолжал он, выдержав долгую паузу, и голос его тек густым медом, и слова рождались неспешно, – я прочту вам историю о призраках. Я дописал ее совсем недавно, и она будет обнародована в рождественском номере «Круглого года»[11 - «Круглый год» (*All the Year Round*, 1859–1895) – британский еженедельник, основанный Чарльзом Диккенсом; помимо самого Диккенса, который до конца жизни его редактировал, в нем публиковались Уилки Коллинз, Энтони Треллоуп, Элизабет Гаскелл, Шеридан Ле Фаню и др.]. Это до крайности страшная история, дамы и господа, от нее вскипает кровь и волнуются чувства. В ней повествуется о сверхъестественном, о живых мертвецах, о жалких созданиях, что бродят в загробном мире, ища вечного упокоенья. Персонаж ее не жив и не мертв, не человек и не дух. Я написал ее, дабы кровь вашу сковал холод, дабы порожденья ночи поселились в живом средоточии ваших

сновидений.

На этих словах в зале раздался крик, и я, как и большинство прочих зрителей, обернулась; по проходу, воздев руки, ринулась перепуганная девушка примерно моих лет, года двадцати одного. Я вздохнула, втайне презирая ее за то, что позорит свой пол.

– Если другие дамы желают покинуть зал, – сказал мистер Диккенс, явно позабавленный этим казусом, – я советую вам безотлагательно так и поступить. Не хотелось бы прерывать течение истории, а начало уже близко.

Тут из-за кулис появился мальчик – подошел к писателю, низко поклонился и вручил пачку бумаг. Затем мальчик убежал, а мистер Диккенс взглянул на бумаги, безумным взором обвел зал и приступил.

– Эге-ге, там, внизу! – вскричал он, и от поразительного и внезапного этого рева я невольно подскочила на стуле. За спиной у меня какая-то дама воззвала к Господу, а какой-то господин у прохода выронил очки. Довольный откликом публики, мистер Диккенс помолчал, а затем продолжил читать, и вскоре история захватила меня совершенно. Одинокая лампа освещала его бледное лицо, голос перетекал от персонажа к персонажу и передавал страх, растерянность и горе, лишь слегка меняя тон. Он безупречно чувствовал момент – то смешил нас, то тревожил, то заставлял подпрыгивать от ужаса. Он сочно изображал двух главных героев – сигнальщика, что работает у въезда в железнодорожный тоннель, и его гостя, – и порой казалось, будто на сцене их играют двое актеров. Сама же история, как и обещал мистер Диккенс, бередила душу; речь в ней шла о сигнальщике, который полагает, будто некий призрак предупреждает его о грядущих катастрофах. Призрак появляется однажды – и происходит ужасное крушение; он появляется снова – и некая дама умирает в проезжающем мимо вагоне. Затем призрак возникает в третий раз, яростной жестикуляцией велит сигнальщику убраться с дороги, но пока несчастий не случилось, и издерганный парень размышляет о том, какие такие ужасы ему предстоят[12 - Рассказ Чарльза Диккенса «Сигнальщик» (The Signal-Man) входил в состав сборника «Узловая Магби» (Mugby Junction), в котором были также рассказы Чарльза Коллинза, Амелии Б. Эдвардс, Эндрю Холлидея и Хесбы Стреттон; однако в описываемый момент публикация в рождественском номере «Круглого года» уже состоялась – рассказ вышел в декабре 1866 г. Первая фраза цитируется в пер. С. Сухарева.]. Весьма, сочла я, коварно со стороны мистера Диккенса с таким наслаждением дразнить чувства слушателей. Зная, что мы напуганы, он

разжигал наши страхи, сгущал грозный мрак; затем, когда у нас не оставалось и тени сомнения в том, что с минуты на минуту случится нечто ужасное, он отпускал нас с крючка, восстанавливал мир и покой, а мы, кто затаивал дыхание в предвкушении нового кошмара, вздыхали с облегчением, зная, что на свете все благополучно, и тогда он заставлял нас врасплох одной-единственной фразой, и мы вскрикивали, хотя полагали только что, будто нечего бояться; он пугал нас до смерти и даже мельком улыбался, видя, как легко ему играть нашими чувствами.

Он читал, и я уже страшилась, что нынче ночью не усну, ибо совершенно уверилась, будто меня окружают незримые души тех, кто оставил свою физическую оболочку, но еще не допущен во врата небесные и обречен скитаться по миру, истошно рыдая, желая достучаться до живых, на всем пути своем оставляя лишь разор и мученья, гадая, когда же придет умиротворение загробной жизни и исполнится обещание вечного покоя.

Дочитав, мистер Диккенс склонил голову, и секунд десять в зале висела мертвая тишина, а затем мы разразились аплодисментами – мы вскочили на ноги, мы требовали продолженья. Я обернулась к папеньке, но, вопреки моим ожиданиям, он вовсе не ликовал; он был бледен, на лбу его блестела испарина, он дышал с трудом, смотрел в пол и стискивал кулаки, пытаюсь отдышаться и страшась, что ему это не удастся.

В руке он сжимал окровавленный платок.

Отбывая из лектория в промозглую ночь, я все еще дрожала, потрясенная спектаклем, и вокруг себя прозревала тени и призраков, однако родитель мой как будто совершенно оправился и объявил, что таких отрадных вечеров ему много лет уже не выдавалось.

– Актерство его не уступает писательскому дару, – объявил папенька, когда мы прежней дорогой направились обратно через парк; вновь зарядил дождь, и в сгустившемся тумане мы не видели дальше двух-трех шагов.

– Если не ошибаюсь, он нередко играет в любительском театре, – сказала я. – Дома и у друзей.

– Да, я об этом читал, – согласился папенька. – Чудесно было бы получить приглашение на...

Тут начался новый приступ, и он, задыхаясь, некрасиво согнулся пополам прямо посреди улицы.

– Папенька. – Я обняла его за плечи и помогла ему выпрямиться. – Пойдемте скорее домой. Чем быстрее вы снимете мокрое и примете горячую ванну, тем лучше.

Он кивнул и, кашляя и чихая, побрел дальше; так мы и шли, опираясь друг на друга. К моему облегчению, едва мы свернули на Бейсуотер-роуд и направились к Брук-стрит, дождь внезапно перестал, но с каждым шагом в туфлях моих все громче хлюпало, и я в ужасе воображала, как промокли ноги у папеньки. Наконец мы возвратились домой, и он полчаса пролежал в железной ванне, а затем натянул ночную сорочку и халат и вышел ко мне в гостиную.

– Я никогда не забуду нынешний вечер, Элайза, – промолвил он. Мы рядышком сидели у огня, попивая горячий чай и жуя тосты с маслом; гостиную вновь заполонил аромат корицы и каштана. – Превосходный джентльмен.

– Мне представляется, что он поистине жуток, – отвечала я. – Разумеется, я ценю его книги немногим меньше вашего, но лучше бы он почитал что-нибудь из своих романов. Истории о призраках я не люблю.

– Они тебя пугают?

– Ажитируют, – возразила я. – Надо полагать, любой рассказ, касающийся загробной жизни и тех сил, что непостижимы человеческим разумом, рискует встревожить читателя. Однако мне, пожалуй, не выпадало случая переживать страх, как всем прочим. Я не знаю, что означает поистине испугаться, – мне известны лишь волнение и неуют. Возьмем, к примеру, этого сигнальщика. Он знал, что его неизбежно настигнет кошмар, и этому ужасался. Или эта женщина, что с криком выбежала из зала. Не представляю, каково это – бояться столь сильно.

– Ты не веришь в призраков, Элайза? – спросил он, и я взглянула на него, удивленная таким вопросом. В гостиной было сумрачно, и только красные угли в

камине освещали папеньку – глаза его казались темнее обычного, а кожу пятнало мерцание пламенных бликов.

– Не знаю, – отвечала я, и в самом деле не зная. – А что? Вы считаете, они есть?

– Я считаю, эта женщина в зале обделена умом, – провозгласил папенька. – Вот как я считаю. Она сбежала, когда мистер Диккенс еще толком не сказал ни слова. Нечего ей было там делать, если у нее такая чувствительная натура.

– Говоря по чести, я всегда предпочитала более реалистичные истории мистера Диккенса, – сказала я, отвернувшись. – Повествования о жизни сирот, истории об одолении препон. Господа Копперфильд, Твист и Никльби[13 - Николас Никльби – главный герой третьего романа Диккенса, «Жизнь и приключения Николаса Никльби» (The Life and Adventures of Nicholas Nickleby, 1838–1839).] привлекают меня больше, нежели господа Скрудж и Марли.

– «Начать с того, что Марли был мертв, – сообщил папенька басом; он так удачно изобразил мистера Диккенса, что я вздрогнула. – Сомневаться в этом не приходилось»[14 - Фразы, открывающие повесть Диккенса «Рождественская песнь в прозе: святочный рассказ с привидениями» (A Christmas Carol in Prose, Being a Ghost Story of Christmas, 1843), пер. Т. Озерской; Джейкоб Марли – бывший компаньон главного героя, скряги Эбинейзера Скруджа, он является Скруджу в сочельник и предупреждает его о грядущем появлении трех Святочных Духов.].

– Не надо, – сказала я, против воли расхохотавшись. – Умоляю вас.

Я отправилась в постель и уснула почти тотчас, однако сон мой был прерывист и тревожен. Вместо грез ночных мне являлись ночные кошмары. Мне не выпало приключений – лишь свидания с духами. Я странствовала не по альпийским горам и венецианским каналам, но по темным кладбищам и несообразным аллеям. И однако всю ночь я проспала, а когда проснулась, ослабелая и неприкаянная, из-за штор уже сочился утренний свет. Стенные часы показали десять минут восьмого – теперь я непременно опоздаю на службу, а ведь еще нужно сготовить папеньке завтрак. Но, войдя к нему в спальню, дабы проверить, стало ли ему лучше, я с первого взгляда поняла, что недуг его гораздо серьезнее, нежели мне представлялось. Вечерний дождь пробрал его до костей, холод прохватил до печенок. Папенька был смертельно бледен, весь в липкой

испарине, и я, ужасно перепугавшись, мигом оделась и помчалась на угол нашего конюшенного переулка к доктору Коннолли, старому другу и домашнему врачу. Я привела его к нам, и он сделал все, что было в его силах, я ни капли в этом не сомневаюсь, но сказал мне, что надо разве только ждать, пока спадет жар, или же надеяться, что жар спадет, и остаток дня я провела у папенькиного ложа, молясь Богу, который редко навещал мои помыслы, а в ранних сумерках, когда солнце снова село, уступив место извечно гнетущему лондонскому туману, я почувствовала, как разжались папенькины пальцы, сжимавшие мою ладонь, а затем он и вовсе ускользнул от меня, тихонько отбыл к загробному своему блаженству, оставив меня сиротою, как в романах, о которых мы говорили накануне, хотя даже и не знаю, можно ли считать, что я сирота, если мне уже минул двадцать один год.

Глава третья

Папеньку хоронили в понедельник, в паддингтонской церкви Святого Иакова; выразить соболезнования пришли полдюжины его коллег из Британского музея и три мои сослуживицы из школы Святой Елизаветы, где я учу маленьких девочек; в обществе их я отчасти нашла утешение. У нас не осталось в живых родни, и папеньку оплакивали немногие, в том числе вдова, квартировавшая по соседству, однако не желавшая здороваться со мною на улице, вежливый, но застенчивый молодой студент, которого папенька наставлял в энтомологии, наша приходящая служанка Джесси и мистер Биллингтон, табачник с Коннот-стрит, – он снабжал папеньку коричневым табаком, сколько я себя помню, и появление его растрогало меня до глубины души.

Мистер Хестон, папенькин начальник из отдела энтомологии, обеими руками слегка сдавил мою ладонь и поведал, как уважал папеньку за интеллект, а некая мисс Умнитон, образованная женщина, чье поступление на службу в музей когда-то повергло папеньку в смятение, сообщила мне, что ей будет не хватать его живого остроумия и прекрасного чувства юмора, – сведения эти немало поразили меня, и, однако, согрели. (Быть может, мне оставались неведомы некие черты его натуры? Неужели он рассказывал анекдоты, очаровывал молодых дам, излучал добродушие? Что ж, вполне вероятно, но все равно отчасти удивительно.) Мисс Умнитон мне понравилась, я хотела бы познакомиться с нею ближе; я знала, что она училась в Сорбонне, защитила степень, английскими университетами, естественно, не признанную, а ее

родные из-за этого отказали ей от дома. Папенька однажды поведал, как спросил мисс Умнитон, предвкушает ли она тот день, когда выйдет замуж и сможет бросить работу; ее ответ – дескать, она лучше напьется чернил – огорошил его, но возбудил мое любопытство.

За дверями церкви моя начальница миссис Фарнсуорт, наставлявшая меня в детстве, а затем нанявшая учить других, сообщила, что остаток недели я могу горевать, однако усердный труд замечательно восстанавливает силы, и она ждет меня в школе в следующий понедельник. Это не от бессердечия; годом раньше миссис Фарнсуорт потеряла мужа, а за год до того – сына. Что такое горе, она понимала.

К счастью, в день похорон обошлось без дождя, но туман был так густ, что я едва различала, как гроб опускается в землю, и пропустила тот миг, когда понимаешь, что видишь его в последний раз, – быть может, оно и к лучшему. Гроб словно поглотило туманом, и лишь когда викарий приблизился, пожал мне руку и пожелал всего доброго, я поняла, что похороны окончены и остается только возвратиться домой.

Впрочем, ушла я не сразу, но некоторое время побродила меж могил, сквозь марево читая имена и даты на надгробиях. Одни как будто на своем месте – мужчины и женщины за шестьдесят, порой за семьдесят. Другие – чужие здесь: дети, упокоившиеся во младенчестве, молодые матери, похороненные в обнимку с мертворожденными. Наткнулась я и на могилу некоего Артура Кавена, прежнего моего сослуживца, и содрогнулась, припомнив былую нашу дружбу и его позор. Мы с Артуром недолго приятельствовали, я надеялась, что дружба наша расцветет в нечто большее, и воспоминания об этих чувствах, а равно о том, сколько горя причинил этот злосчастный юноша, только больше омрачили мою душу.

Пожалуй, неблагоприятно здесь оставаться, решила я, но, оглядевшись в поисках ворот, поняла, что совершенно заблудилась. Туман сгустился, я больше не разбирала слов на надгробьях, а где-то справа – удивительнейший пируэт! – засмеялась какая-то пара. Я обернулась, недоумеваю, кто станет вести себя здесь подобным образом, но никого не увидела. Встревожившись, я пощупала во мгле, но рука в перчатке ничего не нашла.

– Здравствуйте, – сказала я, лишь слегка повысив голос, не зная, вправду ли хочу, чтобы мне ответили, но ответа не последовало. Я добралась до ограды, где

надеялась отыскать ворота, свернула вбок и едва не упала, наткнувшись на груды древних надгробных камней; сердце мое заколотилось в страхе. Я велела себе успокоиться, вдохнуть поглубже, отыскать выход, но, оглянувшись, испустила вопль, оказавшись лицом к лицу с девочкой каких-то лет семи, что стояла на дорожке – без пальто, несмотря на погоду.

– Мой брат утонул, – объявила она, и я открыла было рот, но не нашлась с ответом. – Ему велели не ходить к реке, а он пошел. Непослушный был. И утонул. Мама сидит у его могилы.

– Где? – спросила я, и она показала мне за спину. Я обернулась, однако помянутой мамы не разглядела. Я снова посмотрела на девочку, но та внезапно кинулась бежать и исчезла во мраке. Паника охватила меня; я опасалась, как бы со мной не случился истерический припадок, но заставила себя зашагать по дорожкам и наконец, к величайшему своему облегчению, очутилась на улице, где едва не столкнулась с грузным человеком, каковой был, и я в этом почти уверена, нашим местным членом парламента.

По пути домой я миновала паб «Козел и подвязка», куда, разумеется, нога моя никогда не ступала, и с изумлением узрела у окна мисс Умнитон за стаканчиком портера – погружившись в учебник, она что-то писала в блокноте. За ее спиной я различила мужские лица, – разумеется, мужчины негодовали, полагая ее некоей растленной женщиной, но это, заподозрила я, мисс Умнитон ни капли не беспокоило. О, как жаждала я войти в это заведение и сесть подле нее! Надоумьте меня, сказала бы я ей, как жить мне отныне? Как поправить свое положение, как прояснить виды на будущее? Умоляю, помогите мне, ибо я одинока в этом мире, и нет у меня ни друга, ни благодетеля. Скажите, что мне теперь делать.

У прочих людей водятся друзья. Ну разумеется; таков естественный порядок вещей. Многим людям приятно находиться в обществе, делить близость, делиться тайнами. Я никогда не принадлежала к их числу. Я была прилежной девочкой, что любит проводить время дома с папенькой. И я не была миловидна. Школьные девичьи дружбы обходили меня стороной. Другие девочки обзывали меня – я не стану повторять здесь их слова. Девочки насмехались над моим бесформенным телом, над бледною кожей, над непокорными волосами. Не знаю, как я такую уродилась. Папенька был видным мужчиной, а маменька – красавицей из красавиц. Но отчего-то их отпрыску не досталось пригожести.

Все на свете я бы отдала, чтобы в ту минуту подле меня был друг, – друг, подобный мисс Умнитон, друг, что отговорил бы меня от опрометчивого решения, кое едва меня не погубило. И еще может погубить.

Я глядела в окно «Козла и подвязки» и безмолвно молила мисс Умнитон поднять голову, заметить меня, помахать, позвать к себе, но, поскольку она ничего такого не сделала, с тяжелым сердцем я отвернулась и зашагала домой, где до вечера просидела в кресле у камина, впервые с папенькиной кончины рыдая.

Под вечер я подкинула угля в камин и, твердо намереваясь вернуться к некоему подобию нормальной жизни, отправилась к мяснику на Норфолк-плейс и купила две свиные отбивные. Голод меня не мучил, но я понимала, что, оставшись на весь день дома без пищи, рискую погрузиться в жестокую меланхолию; горе мое было еще свежо, и, однако, я наполнилась решимостью меланхолии не допустить. Проходя мимо угловой лавки, я даже надумала побаловать себя четвертью фунта карамелек и купила «Морнинг пост». (В конце концов, если мисс Умнитон могла учиться в Сорбонне, уж наверняка я смогу ознакомиться с последними событиями в родной стране.)

Вернувшись домой, я совершенно пала духом, постигнув свою ошибку. Две свиные отбивные? Для кого же вторая? Привычка пересилила мои потребности. Я, впрочем, поджарила обе, скорбно съела первую с вареной картошкой, а вторую скормила спаниелю соседской вдовы, на найдя в себе сил ни приберечь ее на потом, ни тотчас съесть. (Я уверена, что папенька, обожавший собак, всей душой одобрил бы мое доброхотство.)

В сумерках я снова уселась в кресло, поставила на столик две свечи, на колени положила кулек карамелек, раскрыла газету и быстро ее пролистала; не обнаруживая в себе способности сосредоточиться, я уже готова была швырнуть газету в камин, однако тут наткнулась на раздел «Вакантные места», и взор мой привлекло одно объявление.

Некто «Х Беннет» из Годлин-холла в графстве Норфолк искал детям гувернантку; опытной претендентке следовало незамедлительно приступить к своим обязанностям, обещано удовлетворительное вознаграждение. Обращаться безотлагательно. Больше ни слова. «Х Беннет», кто бы он ни был, не сообщил, сколько детей подлежат присмотру и обучению, а также не указал их

возраста. Объявлению не доставало некоего изящества, словно писали его в спешке и отправили в газету, не обдумав, но отчего-то настоятельность эта привлекла меня, и я перечитывала его снова и снова, воображая, как выглядит этот Годлин-холл и что за человек этот Х Беннет.

Всего раз я выезжала из Лондона, и было это двенадцать лет назад – мне тогда минуло девять, а маменька только что скончалась. В первые годы скромное наше семейство жило в согласии. Маменька с папенькой обладали замечательной чертой, отличавшей их от родителей большинства школьных моих подруг: они друг друга любили. Явления, у нас дома естественные, – ежеутренние прощальные поцелуи, родительская привычка вечерами читать, сидя рядышком, а не в разных гостиных, их обыкновение вместе почивать, вместе смеяться, часто прикасаться друг к другу, шутить или просто-напросто говорить вслух, как они счастливы, – все это было чуждо прочим домам. Это я прекрасно постигла. Изредка бывая в гостях у соседских девочек, я замечала, что родители их друг от друга далеки – как будто у них и не случилось знакомства, и влюбленности, и близости, как будто не вставали они пред алтарем, дабы всю жизнь провести бок о бок; как будто они чужие – скажем, сокамерники, вместе посаженные под замок, и ничто не связывает их, кроме десятилетий вынужденного общества друг друга.

Мои родители вели себя совсем иначе, но их наглядная взаимная привязанность была ничто в сравнении с любовью ко мне. Они не баловали меня – суровое англиканское воспитание внушило им неколебимую веру в дисциплину и выдержку. Но они радовались мне, были бесконечно ко мне добры, семья наша жила счастливо, а затем, когда мне исполнилось восемь лет, они усадили меня пред собою и объявили, что весной у меня появится братик или сестричка. Разумеется, они были в восторге, они давно мечтали о втором ребенке, но шли годы, оба они уже отчаялись. И вот теперь, к великому своему удовольствию, они сообщили, что наша троица вскоре станет четверкой.

Ныне, вспоминая эти месяцы, я вынуждена признать, что могла бы вести себя достойнее. Ожидая появления младенца, я радовалась не так бурно, как маменька с папенькой. Я так давно была единственным дитятей, что в душу мне, пожалуй, закралось себялюбие, и оно не раз выплескивалось неумными взрывами страстей. Я вела себя так неподобающе, так необычайно озорничала, что в последний месяц маменькиной тягости папенька однажды отвел меня в сторонку и сказал, что мне не о чем волноваться, ничего не изменится, в нашем доме любви хватит и на новенького младенца, а я когда-нибудь вспомню это

время и удивлюсь, как жила без младшего брата или младшей сестры, которых вскоре полюблю всей душой.

Я уже начала принаравливать к этим надеждам, но им, увы, оказалось не суждено сбыться. Маменька с трудом родила вторую дочь, а спустя несколько дней та упокоилась в гробу, в объятьях женщины, что носила ее под сердцем девять месяцев, и на гробовой доске значилось: «Анджелина Кейн, 1813–1855, возлюбленная супруга и мать, и малютка Мэри». Мы с папенькой остались одни.

Разумеется, потеря моей бесконечно любимой маменьки его подкосила, и он заперся в кабинете, не в силах читать, почти ни крошки не беря в рот, нередко предаваясь пороку пьянства, позабыв и работу, и друзей, и, что всего важнее, меня; затянься такое наше положение надолго, оба мы со временем очутились бы в работном доме или долговой яме, но, по счастью, жизнь наладилась с появлением двух папенькиных старших сестер, Гермiony и Рейчел, – те, заранее не объявившись, прибыли из Корнуолла и в ужасе узрели, в каких обстоятельствах прозябают ныне их брат и племянница. Невзирая на папенькины протестации, сестры привели в порядок весь дом. Папенька пытался изгнать их метлою, точно незваных паразитов, но сестры и слушать ничего не пожелали и отказались уезжать, пока не будет побеждено очевидное запустение в нашем жилище. Они взялись за маменькин гардероб и личное имущество, самые драгоценные предметы сохранили – немногочисленные украшения, к примеру, и красивое платье, в которое я могла бы вращаться спустя лет десять, – а все прочее раздали беднякам нашего прихода; папенька пришел от этого в ярость, но мудрые и сдержанные дамы пренебрегли братниным гневом и попросту продолжали заниматься делами.

– Мы не намерены потакать капризам, – уведомили они меня, приступив к нашей кладовой, выбросив лежалую провизию и заменив ее свежей. – Мы не желаем погрязнуть в горе. И тебе не советуем, Элайза. – Они сидели справа и слева от меня, уравновешивая доброту и понимание недовольством нашей нынешней распущенностью. – Твоя мать опочила, ее забрал к себе Господь, это грустно и ужасно, но так уж оно устроено. Тебе и нашему брату надо жить дальше.

– Жизнь моя кончена, – горько заметил папенька из дверей, и мы в удивлении вздрогнули, поскольку не догадывались, что он подслушивает. – Я мечтаю лишь воссоединиться с любимой моей Анджелиной во мраке, откуда никому нет возврата.

– Чушь и ересь, Уилфред, – возмутилась тетя Рейчел, вскочила и ринулась к нему, руки в боки; гнев безуспешно сражался в ней с сочувствием. – В жизни своей не слыхала подобного вздора. И не кажется ли тебе, что жестоко говорить такое пред ребенком, пережившим столь ужасную утрату?

Папенькино лицо обернулось маской воплощенной скорби – он не хотел причинять мне боль, но в жестоком своем страдании не удержался от себялюбивых слов; когда я взглянула на него, он отвернулся, не в силах вынести мой взгляд, и я разразилась слезами – больше всего на свете мне хотелось выскочить за дверь и убежать из этого дома как можно дальше, раствориться в безликих лондонских толпах, превратиться в бродяжку, в странницу, в безыменку. Не успела я и глазом моргнуть, тетки уже хлопотали вокруг нас обоих, коря и утешая равно, давя в себе досаду, от природы им обеим присущую. Вскоре стало ясно, что сокрушительное горе не позволит папеньке приглядывать за мной, и решено было, что я на лето уеду с тетей Гермией в Корнуолл, а тетя Рейчел останется в Лондоне и позаботится о младшем брате, – весьма разумное решение, как узналось впоследствии, ибо я провела чудесное лето за городом, примирилась с утратой, научилась с нею жить, а тетя Рейчел между тем как-то умудрилась выманить отца из глубин отчаяния туда, где он снова взял себя в руки, вернулся к своим обязанностям и смог заняться дочерью. По моем осеннем возвращении в Лондон мы с папенькой примирились, и худшее осталось позади. Разумеется, мы по-прежнему тосковали о маменьке и часто ее вспоминали, но оба постигли, что смерть – естественное явление, прискорбное для тех, кто остается, однако неотвратимое, ибо такова цена жизни, кою всякому мужчине и всякой женщине следует уплатить не ропща.

– Боюсь, я тебя огорчил, – сказал папенька, когда мы снова остались вдвоем. – Это больше не повторится, клянусь тебе. Я всегда стану о тебе заботиться, Элайза. Ничего плохого с тобой не случится.

И с того дня мы жили смиренно, однако счастливо. Разумеется, я занималась хозяйством. Я взяла на себя стряпню, а на папенькино жалованье мы могли нанять прислугу, шотландскую девицу по имени Джесси, – она приходила дважды в неделю и мыла весь дом с пола до потолка, сетуя на больную спину и артритные руки, хотя была старше меня всего на год-другой. Нравом она обладала сварливым, но я радовалась, что мы можем ее нанимать, ибо сама питала жаркую ненависть к уборке, а Джесси меня от нее избавляла.

С ранних лет посещая школу Святой Елизаветы, я всегда прекрасно успевала, и вскоре по окончании образования мне самой предложили учительствовать в младшем классе; эта должность так замечательно мне подошла, что спустя полгода я получила ее насовсем. Я обожала своих юных учениц, пятишестилетних девочек, внушала им основы сложения и чистописания, а также историю английских королей и королев, готовя между тем к предметам потруднее, которые им предстояло изучать под водительством мисс Луишем, в чьи заскорузлые руки я передавала своих дрожащих и плачущих подопечных через год. Трудно не питать привязанности к маленьким девочкам. Они так милы, так со мною доверчивы, и однако я быстро усвоила, что, если желаю успешно учительствовать и дальше – а подразумевалось, что я стану учительствовать всю жизнь, ибо маловероятно, чтобы я вышла замуж: я бесприданница, не имею положения в обществе, а от наружности моей, как однажды выразилась тетя Гермiona, скисает даже молоко («Я не хотела сказать дурного, дитя мое», – прибавила она, заметив мою ажитацию, и я еще долго недоумевала, что же она в таком случае хотела сказать), – привязанности свои следует держать в узде. Это, впрочем, ничуть меня не смущало. Я буду коротать свой век старой девой, думала я, учить маленьких девочек, а летом, быть может, ездить на отдых – я мечтала посетить Французские Альпы или итальянский город Венецию и раздумывала порою, не найти ли мне место платной компаньонки к какой-нибудь даме на летние месяцы. Мне предстоит заботиться о папеньке и вести наш дом, сочувствовать Джесси с ее несметными воспалениями и интересоваться, помыла ли она плитусы. Я не стану переживать из-за кавалеров, а те, в свою очередь, уж точно не станут переживать из-за меня; я буду смотреть жизни в лицо, питая серьезные намерения и ни на миг не унывая. Так я буду довольна и счастлива.

Обстоятельства мои слегка переменялись с появлением Артура Кавена, учителя старших девочек, с которым, как я уже поминала, мы тесно сблизились. Мистер Кавен прибыл к нам из Хэрроу, дабы год набираться преподавательского опыта, а затем изучать античность в университете. Артур смешил меня – он был замечательно артистичен, – а его ухаживания мне льстили. Он был красивый юноша, годом меня моложе, улыбчивый, с копной темных волос. К стыду моему, я позволяла себе весьма разнузданно фантазировать о том, что случится, если мы «сойдемся», хотя Артур нимало не потворствовал такому самообману. Даже спустя несколько месяцев, когда все выплыло наружу, его имя замелькало в газетах, а публика взревела, требуя его крови, я не нашла в себе сил совершенно его осудить, хотя, разумеется, больше не обменялась с ним ни словом. А затем он наложил на себя руки. Впрочем, хватит, не стоит об этом. Я намеревалась поведать о своей должности в Святой Елизавете, а не предаваться

сентиментальным грезам.

Лишь ныне, когда папенька лег в землю, я постигла, сколь бесконечно одинока, и усомнилась в том, что прежний мой простой замысел удовлетворит все мои нужды. Тетки мои тоже успели скончаться. У меня нет ни братьев, ни сестер, мне не о ком заботиться, и обо мне позаботиться некому; не имеется кузенов и кузин, чья жизнь пробудила бы во мне интерес, чей интерес мог бы обратиться ко мне. Я совершенно одна. Исчезни я среди ночи, погибни от рук убийцы по пути из школы, некому будет вспомнить, никто не удивится, что меня больше не видать. Я стою одна посреди пустыни.

Оттого-то, по видимости, объявление о вакантном месте гувернантки в Норфолке и представилось мне столь заманчивым.

Быть может, стоило подождать, не уезжать так поспешно? Быть может, но я была не в своем уме: горе, охватившее мою душу, потрясло меня до основания. И вопрос окончательно решился в тот же вечер, когда в дверь постучался головорез, назвавшийся мистером Подли, – весьма подходящее имя, – который уведомил меня о том, что дом, где я выросла, в действительности не принадлежал папеньке и мы были здесь всего только жильцами, в доказательство чего мистер Подли предъявил неоспоримые документы.

– А я думала, это теперь мой дом, – ошеломленно сказала я, и он улыбнулся, показав ряд желтых зубов и один черный.

– Если вам угодно, – отвечал он. – Но вот какова рента, и деньги нужны мне каждый вторник без проволочек. Папаша ваш, упокой Господь его душу, никогда меня не подводил.

– Я не могу себе этого позволить, – сказала я. – Я простая учительница.

– А я деловой человек, – рявкнул он. – Коли не можете, собирайте вещички. Или найдите жильца. То есть скромненькую девушку. Мужчин нельзя. Мне тут веселый дом не надобен.

От такого унижения я вспыхнула и еле подавила желание пнуть его ногой. Я не постигала, отчего папенька ни разу не обмолвился о том, что дом ему не принадлежит, отчего, когда я пошла на службу, ни единожды не предложил совместно платить ренту. В любой иной день я бы огорчилась до слез, однако ныне это расстройство оказалось лишь очередным в ряду бесконечных расстройств, и, припомнив объявление в газете, я в тот же вечер села и составила письмо о соискании места, а наутро перво-наперво кинула его в почтовый ящик, опасаясь иначе передумать. Во вторник и среду дел выдалось невпроворот – я разбирала папенькины вещи и вместе с Джесси наводила чистоту в его спальне, дабы обиталище это ничем не выдало прежнего обитателя. Я написала в музей мистеру Хестону, и тот охотно принял от меня в дар папенькины насекомые книги и корреспонденцию. Все романы мистера Диккенса я сложила в коробку и спрятала в глубине гардероба, ибо смотреть на них мне теперь стало невыносимо. А утром в четверг прибыло письмо из самого Норфолка – в нем сообщалось, что моя подготовка представляется автору удовлетворительной и он предлагает мне место, не видя нужды в собеседовании. Разумеется, я удивилась. В объявлении значилось «срочно», но откуда этот Х Беннет знает – может, я вовсе ему не гожусь? И однако же он готов доверить мне благополучие своих детей.

Я, естественно, сомневалась, благоразумно ли преобразжать свою жизнь столь решительно, но предложение уже поступило, и, сочтя, что перемена обстоятельств пойдет мне на пользу, я в то же утро явилась в кабинет к миссис Фарнсуорт и вручила ей свое уведомление об увольнении, каковое она приняла с великим неудовольствием, отметив, что я бросаю школу на произвол судьбы посреди года, – откуда ей сию минуту взять другую учительницу для маленьких? Покаявшись, я, нечестивое создание, сыграла на своем горе, дабы отвести от себя дальнейшие упреки; в конце концов она поняла, что решение мое окончательно, неохотно пожала мне руку и пожелала успехов. Днем я покинула школу Святой Елизаветы, и душу мою рвали на части восторг и кромешный ужас.

В пятницу – и недели не истекло с того дня, когда мы с папенькой под проливным дождем бежали в Найтсбридж, и семи дней не прошло с тех пор, как мистер Диккенс прибыл в лекторий и узрел в зале более тысячи преданных поклонников, потеющих в тесноте, – я заперла наш дом, отпустила Джесси, уплатив ей за лишнюю неделю, и села в поезд, направлявшийся в графство, где я прежде не бывала, дабы приступить к работе на семейство, с коим не была знакома, в должности, какой никогда не занимала. Минувшая неделя наполнилась событиями и переживаниями – и это еще мягко сказано. Но я не стану утверждать, будто она потрясла мою душу сильнее, нежели предстоявшие

недели, – это было бы ложью чистой воды.

Глава четвертая

На удивление солнечно было в Лондоне, когда я уезжала. Город замыслил свести в могилу возлюбленного моего папеньку, но, исполнив жестокую свою затею, вновь убогаторялся великодушием. Я питала к Лондону неприязнь, сама тому удивляясь, ибо всю жизнь любила столицу; однако же, когда поезд отходил с Ливерпуль-стрит, а в окно, ослепив меня, ворвалось солнце, я сочла, что город этот бессердечен и неправеден, – он был точно старый друг, неизвестно почему оборотившийся против меня, и мне не терпелось с ним распрощаться. В ту минуту я полагала, что смогу всю жизнь провести в довольстве, ни единожды больше не узрев Лондона.

Напротив меня сидел молодой человек моих лет, и, хотя с посадки мы не обменялись ни словом, я позволяла себе то и дело бросать на него украдчивые взгляды; он был весьма привлекателен, и как я ни старалась сосредоточить внимание на полях и крестьянских домах, пролетавших мимо, глаза мои вновь возвращались к его лицу. Он напомнил мне Артура Кавена, вот в чем подлинная истина. На въезде в Колчестер я заметила, что спутник мой сильно побледнел, а глаза его наполнились слезами. На миг он зажмурился, вероятно надеясь сдержать поток соленой влаги, но, едва снова открыл глаза, несколько слезинок скользнули на щеки, и он отер их платком. Поймав мой взгляд, он ладонью провел по лицу, и мне отчаянно захотелось спросить, все ли с ним благополучно, не хочет ли он поговорить, но, какова ни была его сердечная боль, какая беда ни лишила его власти над чувствами, делиться ими он не желал; едва поезд тронулся, молодой человек встал и, смущаясь своей явственности, перешел в другой вагон.

Разумеется, оглядываясь назад, я понимаю, что в ту неделю строила прожектыв неблагоразумно и сгоряча. Шок держал меня в тисках, за семь кратких дней вся жизнь моя обрушилась; мне надлежало утешаться работой, школой, маленькими своими подопечными и даже обществом дам, подобных миссис Фарнсуорт и Джесси, но я опрометчиво замыслила бросить все то, что знала с детства, покинуть улицы в окрестностях Гайд-парка, где играла малышкой, и Серпентайн, что по сей день напоминал мне о Фонарике, и извилистый лабиринт

переулков, что приводил меня из дома в знакомую классную комнату. Я отчаянно желала перемен, однако можно ведь было раздвинуть шторы в темной спальне наверху, где лишились жизни оба моих родителя и маленькая сестра, распахнуть окна, проветрить, впустить добрый, честный лондонский воздух, подновить комнату, вернуть ей уют, превратить в обителище жизни, а не смерти. Все это я оставляла в прошлом, уезжала в чужое графство – и для чего? Учить неизвестно сколько детей в семье, которая, предлагая мне место, даже не прислала никого со мною познакомиться. Глупая девчонка! Могла ведь остаться. Могла жить счастливо.

В Стоумаркете лондонское солнце сменил холодный ветер, что задувал в поезд и немало меня угнетал; к вечеру, когда поезд добрался до Норвича, ветер стих и опустился густой туман, желтушное марево, вновь напомнившее мне о доме, который я так тщила забыть. Когда поезд приблизился к вокзалу Торп, я вынула из чемодана письмо, полученное утром накануне, и раз в десятый его перечла.

Годлин-холл,

24 октября 1867 г.

Уважаемая мисс Кейн!

Благодарю за Ваше обращение. Ваша квалификация приемлема. Вам предлагается место гувернантки согласно условиям, указанным в «Морнинг пост» (номер от 21 октября). Вас ожидают вечером 25-го, пятичасовым поездом. У вагона Вас встретит Хеклинг из Годлина. Прошу не опаздывать.

Искренне,

Х Беннет.

Снова перечтя письмо, я отнюдь не в первый раз отметила, сколь своеобразно оно составлено. Писали как будто наспех, снова не упомянули, сколько детей будет под моим присмотром. И кто такой этот «Х Беннет», не дописавший «эсквайр» к фамилии? Джентльмен ли он или, быть может, заведует обедневшим хозяйством? Чем он занимается? Ни малейшего намека. Поезд подкатил к перрону, и я вздохнула в некоторой тревоге, однако вознамерилась быть сильной, что бы ни сулило мне будущее. В последующие недели это решение сослужило мне добрую службу.

Я сошла из вагона и огляделась. В густом сером тумане ничего не было видно, однако другие пассажиры куда-то шли, и я, решив, что отыщу выход, если последую за ними, тоже зашагала; позади загрохотали двери вагонов, и свисток сигнальщика оповестил об отправлении поезда в обратный путь. Кто-то пробежал мимо, торопясь успеть в вагон, и, вероятно, не разглядев меня в тумане, одна женщина столкнулась со мною, выбив чемодан у меня из рук и уронив свой багаж.

– Прошу прощения, – сказала она, явно не слишком сожалея, но я не очень обиделась: ясно ведь, что она боится опоздать на поезд. Я подняла ее саквояж и протянула ей; на темно-бурой коже саквояжа я заметила красную монограмму. «ХБ». Я вгляделась пристальнее, не понимая, отчего инициалы эти мне знакомы. И в этот миг я поймала ее взгляд – она как будто знала меня, в глазах ее читалось понимание и жалость мешалась с сожалением; затем она вырвала у меня из рук саквояж, тряхнула головой и кинулась к вагону, растворившись в тумане.

Я застыла, пораженная ее грубостью, и тут сообразила, отчего мне знакомы инициалы «ХБ». Нет, это нелепый вздор. Совпадение, не более того. В Англии полно людей с такими инициалами.

Развернувшись, я поняла, что несколько заблудилась. Я пошла туда, где рассчитывала отыскать выход, но поблизости никакие пассажиры не садились в поезд и не высаживались, и затруднительно было понять, в нужном ли направлении я иду. Слева, предвкушая возвращение в Лондон, все громче пыхтел поезд; справа пролегла вторая железнодорожная колея, и по ней с грохотом приближался другой состав. Или это позади меня? Понять не представлялось возможным. Я снова повернулась и ахнула – куда же теперь? Со всех сторон грохотало. Я попыталась отыскать дорогу ощупью, но рука ничего не узнавала. Вокруг всё громче гомонили, мимо с чемоданами и саквояжами

неслись люди – как они видят, куда идти, если я и собственной ладони в тумане разглядеть не могу? Я так не волновалась с того дня на кладбище, паника охватила меня, великий страх и злое предчувствие; мне почудилось, что я, если сейчас же не зашагаю решительно вперед, останусь на этом перроне навеки, ослепшая, не в силах вздохнуть, и проживу здесь весь остаток дней своих. Набравшись храбрости, я сдвинула правую ногу, шагнула, и тут оглушительный свисток второго поезда заверещал истошным воплем, и, к ужасу своему, я почувствовала, как чьи-то руки резко толкают меня в спину, – я пошатнулась, едва не нырнула вперед, но тут третья рука схватила меня за локоть, отдернула, я споткнулась, затем выпрямилась; я стояла у какой-то стены, туман почти тотчас слегка рассеялся, и я разглядела человека, который так бесцеремонно меня оттащил.

– Боже правый, мисс, – сказал он, и я различила его лицо, доброе и с тонкими чертами; он носил весьма изысканные очки. – Вы что, вокруг себя не смотрите? – спросил он. – Вы же чуть под поезд не угодили. Едва не погибли.

Я растерянно воззрилась на него, потом оглянулась – туда, где я стояла прежде, и в самом деле со скрежетом подкатывал второй поезд. Еще один шаг – и я бы упала под колеса, где мне и настал бы конец. От одной мысли у меня подкосились ноги.

– Я не хотела... – начала я.

– Еще секунда – и вы очутились бы на рельсах.

– Меня толкнули, – сказала я, глядя ему в лицо. – Чьи-то руки. Я почувствовала.

– Маловероятно, – возразил он. – Я все видел. Я заметил, куда вы шли. У вас за спиной никого не было.

– Но я почувствовала, – не отступала я. Оглядев перрон, я сглотнула и снова повернулась к моему спасителю: – Я почувствовала!

– У вас просто шок, – сказал он, явно не поверив и сочтя меня истеричкой. – Дать вам что-нибудь от нервов? Я, изволите ли видеть, врач. Может, сладкого чаю? Здесь есть чайная – ничего особенного, разумеется, но...

– Нет, благодарю вас. – Я постаралась взять себя в руки. По видимости, он прав, решила я. Если он смотрел, а у меня за спиной никого не было, значит, мне померещилось. Туман, вот в чем дело. Шутки со мною шутит. – Я должна извиниться, – наконец промолвила я, тщаься рассмеяться. – Не знаю, что на меня нашло. Голова закружилась. Ничего вокруг не видела.

– Хорошо, что я вас поймал, – отвечал он, улыбнувшись и явив мне очень ровные белые зубы. – Ой, – прибавил он. – Весьма самодовольно получилось, да? Как будто медаль за доблесть выпрашиваю.

Я улыбнулась; он мне понравился. Нелепая мысль посетила меня. А вдруг он сейчас предложит мне вовсе забыть о Годлин-холле и отправиться с ним? Куда? Я не знала. Боже мой, какой вздор; я чуть не расхохоталась. Да что это со мной творится весь день? Сначала молодой человек в поезде, теперь это. Как будто все понятия о морали совершенно меня оставили.

– А вот и моя жена, – спустя мгновение объявил он, и к нам приблизилась молодая красивая дама; когда муж разъяснил ей, что произошло, на лице ее нарисовалась искренняя тревога. Я выдавила улыбку.

– Поедьте с нами, – сказала миссис Токсли, ибо супругов звали именно так; она разглядывала меня весьма обеспокоенно. – Вы ужасно бледны. Вам, пожалуй, не помешает принять что-нибудь бодрящее.

– Вы очень добры, – сказала я, спрашивая себя между тем, возможно ли поступить столь неожиданным манером, благопристойно ли это. Может, они наймут меня гувернанткой для своих детей, если у них есть дети, и тогда мне вовсе не потребуется ехать в Годлин-холл. – Я была бы рада, однако...

– Элайза Кейн?

Голос раздался слева, и мы удивленно обернулись. Новоприбывшему, пожалуй, недавно перевалило за шестьдесят; был он краснолиц и одет по-простому. Очевидно, он не брился несколько дней, а шляпа его не подходила к куртке, отчего выглядел он слегка нелепо. От одежды его несло табаком, дыхание отдавало виски. Он почесал щеку, и я увидела темную грязь у него под ногтями, желтыми, как и его зубы; ожидая моего ответа, он ни слова более не произнес.

– Совершенно верно, – сказала я. – Мы знакомы?

– Хеклинг, – представился он, несколько раз большим пальцем ткнув себя в грудь. – Коляска вон там.

С этими словами он направился к упомянутой коляске, а я с багажом осталась подле своего спасителя и его супруги; оба воззрились на меня, слегка смущаясь всей сценой и поразительной грубостью этого человека.

– Я новая гувернантка, – пояснила я. – В Годлин-холле. Его прислали за мной.

– Ой, – отвечала на это миссис Токсли, покосившись на мужа; тот, заметила я, поймал ее взгляд и тотчас отвернулся. – Понятно, – прибавила она после долгой паузы.

Неуютное молчание опустилось на нас – я было решила, что чем-то обидела супругов Токсли, но затем сообразила, что подобное невозможно, я не сказала ничего предосудительного, лишь сообщила, кто я такая; как бы то ни было, теплота их и великодушие внезапно сменились тревогою и неловкостью. Какие странные люди, подумала я, подхватила чемодан, поблагодарила их обоих и направилась к коляске. А ведь были так любезны!

Однако, удаляясь, я отчего-то обернулась и увидела, что они смотрят мне вслед, будто желают заговорить, но не находят слов. Миссис Токсли что-то прошептала мужу на ухо, но тот покачал головою, откровенно не постигая, как ему надлежит поступить.

И снова я скажу: рассуждения задним числом – дело хорошее, но я вспоминаю эту минуту, вспоминаю, как Алекс и Мэдж Токсли стояли на перроне вокзала Торп, и мне хочется закричать на них, хочется подбежать к ним, встряхнуть, посмотреть им в глаза и сказать: вы же знали, вы уже тогда всё знали. Отчего же вы не сказали мне? Отчего не промолвили ни слова?

Отчего не предостерегли меня?

Я забралась в коляску Хеклинга, пристроив чемодан позади, и рыком, словно бы зародившимся в самых глубинах его существа, человек из Годлина призвал лошадь по имени Винни пошевеливаться. Мне отчаянно хотелось снова обернуться на супругов Токсли – их странное поведение, а равно трагедия, едва со мною не случившаяся, меня весьма ошеломили, – но я была полна решимости сохранять спокойствие и не унывать. Все эти тревобления, говорила я себе, вполне объясняются тем обстоятельством, что я очутилась в незнакомой местности, вдали от единственного города, который знала; понадобится время, дабы приспособиться к этой новой обстановке. Я не допущу, чтобы разум мой надо мною куражился. Я начинала новую жизнь и намеревалась с оптимизмом глядеть в будущее.

– Здесь всегда такой густой туман? – Я склонилась вперед, пытаюсь завязать беседу с Хеклингом, но тот явно не желал завязать беседу со мною. Туман, слегка рассеявшийся на перроне, пока я говорила с супругами Токсли, сгустился вновь, и я недоумевала, как умудряется кучер править по этим дорогам, что приведут нас к месту назначения, в нескольких милях к западу от Норфолкских озер. – Мистер Хеклинг? – сказала я, отчаявшись дожидаться ответа, и на сей раз он еле приметно закаменел спиною. – Я спросила, всегда ли здесь такой густой туман.

Он слегка обернулся и весьма неприятным манером заходил челюстью, словно что-то жевал, а затем пожал плечами и вновь оборотился к дороге.

– Пожалуй что всегда густой, – высказался он. – Сколько помню. Летом-то еще ничего. А теперича густой. – Он поразмыслил и кивнул: – Справляемся.

– Вы, я полагаю, родились и выросли в Норфолке? – спросила я.

– А то.

– Должно быть, вам тут нравится.

– Должно быть? – невнятно пробасил он с некоторой даже скукой и неудовольствием. – А то. Оно небось и должно. Коль вы так говорите.

Я вздохнула и отодвинулась, не желая длить разговор с человеком столь сварливого нрава. Папенька, не питая симпатии к американцам, французам и итальянцам, весьма к тому же недолголюбивал жителей Норфолка, и я понимала, что Хеклинг – о ком, в отличие от Баркиса, отнюдь нельзя было сказать, что он «не прочь»[15 - Баркис – персонаж «Жизни Дэвида Копперфильда, рассказанной им самим», возчик, который через Дэвида передает служанке семейства Копперфильдов Кларе Пегготи свое крайне лаконичное предложение выйти за него замуж, облеченное в слова «Баркис не прочь»; пер. А. Кривцовой и Е. Ланна.], – немало бы его раздосадовал. Служа в норвичском музее, папенька почитал норфолкцев людьми подозрительными и нелюбезными; впрочем, вероятно, им попросту не нравилось, что молодой лондонец прибыл к ним в город выполнять работу, коя вполне под силу и местному пареньку. По совпадению оба мы получили место в этом графстве, и я раздумывала, выпадет ли мне возможность посетить музей, учрежденный папенькой и мистером Кёрби и располагавшийся в какой-то полусотне миль от Годлин-холла.

Удобно устроившись, я созерцала проплывающий пейзаж – то небольшое, что удавалось разглядеть. К моему удовольствию, коляска оказалась удобна. На сиденье лежал толстый плед; я накрыла колени, сложила руки поверху и ехала вполне довольная. Путешествие мое по этим ухабистым дорогам было бы существенно труднее, не будь в коляске столь изысканного сиденья, каковое давало все основания предположить, что хозяин мой – человек состоятельный. Я размышляла об этом Х Беннете и о грядущей жизни. Я молила судьбу о том, чтобы очутиться в счастливом доме, чтобы владельцы его любили друг друга, а дети, сколько их ни есть, оказались добры и приветливы. В конце концов, у меня больше не имелось дома, и если здесь моя жизнь сложится, а хозяева мои привяжутся ко мне, как я надеялась привязаться к ним, вполне вероятно, Годлин-холл приютит меня на долгие-долгие годы.

Мысленно я себе рисовала большой дом со множеством комнат, отчасти даже дворец, со спиральной подъездной дорожкой и лужайками до самого горизонта. Вероятно, картины эти порождены были тем обстоятельством, что хозяин носил фамилию Беннет, а это приводило на ум юную даму, о коей повествовалось в «Гордости и предубеждении». Ее история обрела завершение в удивительном особняке Пемберли, жилище мистера Дарси. Может, удача выпала и этим Беннетам? Хотя, разумеется, Элизабет и ее сестры обитали в вымышленном мире, а дом, куда направлялась я, располагался в мире подлинном. И все же, погладив рукою плотную обивку, я мельком подумала, что семейство, вероятно, по меньшей мере обеспеченное, а значит, Годлин будет необычаен.

– Мистер Беннет, – сказала я, снова подавшись вперед и оттерев морось с лица. – Он, вероятно, предприниматель?

– Кто? – переспросил Хеклинг, цепко держа вожжи, пристально вглядываясь в сумеречную дорогу.

– Мистер Беннет, – повторила я. – Мой новый хозяин. Чем он занимается? Предприниматель? Или?.. – Я задумалась, кем бы еще он мог оказаться. (Едва ли я понимала, что такое «предприниматель»; я знала только, что великое множество мужчин характеризуют себя подобным образом, не имея способности или желания объясниться сколько-нибудь доходчивее.) – Или ваш член парламента? Насколько мне известно, немало богатых домов отправляют главу семейства в парламента.

Хеклинг удостоил меня поворотом головы и раздраженным взглядом. Сказать по чести, взирал он на меня, будто на собаку, что путается под ногами, добивается внимания, твякает и цапает его лапой, в то время как ему, Хеклингу, охота лишь поразмыслить в тишине и покое. Иной на моем месте отвернулся бы, но я не отвела глаз; этот человек меня не запугает.

В конце концов, я буду гувернанткой, а он всего-навсего прислуга.

– Это кто еще? – помолчав, презрительно осведомился он.

– Кто еще кто? – отвечала я, затем досадливо встряхнула головою – как быстро я переняла у него эту норфолкскую манеру. – О ком вы спрашиваете «это кто еще»?

– Вы сказали про мистера Беннета. Не знаю я никакого мистера Беннета.

Я рассмеялась. Это что, шутка? Он и прочие слуги сговорились подпортить жизнь новой гувернантке? Жестоко и злонамеренно, если дело обстоит так, и я не желала иметь к этому касательства. Уча маленьких девочек, я узнала, что стоит мельком явить слабость – и ты пропала навеки. Я сделана из другого теста и была полна решимости это доказать.

- Полноте, мистер Хеклинг, - промолвила я, слегка усмехнувшись и подпустив в голос беспечности. - Разумеется, вы его знаете. Он же вас за мною прислал.

- Меня за вами прислали, - не стал спорить Хеклинг. - Но никакой не мистер Беннет.

Внезапный порыв ветра понудил меня забиться поглубже в угол, дождь осыпал крупными каплями, и я пожалела, что Хеклинг не прибыл в крытом экипаже вместо открытой коляски. (Неразумная девчонка! Я все еще грезил о Пемберли. Мысленно мне являлся целый каретный сарай Годлин-холла - каждый день новый экипаж.)

- Значит, вас прислала экономка? - спросила я.

- Мистер Рейзен меня прислал, - отвечал он. - Ну, мистер Рейзен и мисс Беннет. Они оба, должно статься.

- И кто же такой этот мистер Рейзен?

Хеклинг почесал подбородок; надвигалась ночь, и в лунном свете его темная щетина поседела.

- Стряпчий он.

- Стряпчий?

- А то.

Я поразмыслила.

- Чей стряпчий?

- Годлинский стряпчий.

Некоторое время я молчала, складывая и обдумывая эти сведения.

– Мистер Рейзен – семейный поверенный, – промолвила я в основном сама для себя. – Он велел вам встретить меня на станции. А кто такая тогда мисс Беннет? Сестра хозяина, вероятно?

– Какого хозяина? – переспросил Хеклинг, и я решила, что с меня довольно.

– Хозяина Годлин-холла, – со вздохом пояснила я.

Хеклинг рассмеялся, затем словно бы прикусил язык.

– Нету в Годлине хозяина, – наконец сказал он. – Давненько уж. Хозяйка-то об этом небось похлопотала.

– Нет хозяина? – Это что еще за вздорный розыгрыш? – Не может такого быть. Наверняка есть. Кто такая мисс Беннет, если не родственница хозяина? В конце концов, она меня наняла. Я полагала, она глава семьи, а теперь вы утверждаете, что ничего подобного.

– Мисс Беннет у нас гувернаной была, – отвечал он. – Вот как вы. Не боле того и не мене.

– Но это же нелепица. Зачем гувернантке давать объявление о поиске другой гувернантки? Это решительно вне ее компетенции.

– Так она ж убыла, – объяснил Хеклинг. – Токмо никак не убудешь, пока нету замены. Я ее на станцию отвез, она вышла, сказала ждать, мол, вы скоро придете, а вы и пришли. Заместо нее. Винни и десяти минуток не передохнула.

Я сидела, раскрыв рот, не зная, как все это понимать. Какой-то абсурд. По словам этого человека, этого кучера, в Годлин-холле нет хозяина, моя предшественница поместила объявление, а узнав, что я прибываю, сочла уместным безотлагательно отбыть. Что все это значит? Вероятно, решила я, возчик этот безумен, или пьян, или пьян и безумен; я более не стану вести с ним бесед, а попросту устроюсь поудобнее, поразмыслю и подожду до прибытия, а тогда все несомненно разъяснится.

И тут я вспомнила. «ХБ». Женщина, что столкнулась со мною подле лондонского поезда. По видимости, это была она. Х Беннет. Она взглянула на меня и как будто узнала. Вероятно, выглядывала молодую женщину, по описанию похожую на меня, удостоверилась, что я приехала, и затем бежала. Но отчего так? Сколь поразительное поведение. Весьма непостижимо.

Глава шестая

Должно быть, вскорости я задремала, ибо мне привиделся неуютный прерывистый сон. Грезилось мне, будто я снова в школе – не совсем в Святой Елизавете, хотя сходство имелось, – и миссис Фарнсуорт говорит с моими девочками, а папенька за последней партой беседует с женщиной, в какой-то я опознала мисс Беннет, хотя обликом своим она ничуть не напоминала женщину с перрона. Та была коренастой и рыжеволосой, эта же – смуглой средиземноморской красавицей. Никто не заговорил со мною – меня будто и не видели, – а затем все помутнело, погрузилось в причудливую парадоксию, как бывает во сне, но, вероятно, проспала я довольно долго, ибо, когда очнулась, вокруг уже сгустился мрак, спустилась ночь и мы сворачивали на узкую дорожку, наконец выведшую нас к громадным чугунным воротам.

– Там подале Годлин-холл, – сообщил Хеклинг, придержав лошадь и ткнув пальцем куда-то вдаль, хотя разглядеть что бы то ни было во тьме ночной не представлялось возможным. Я выпрямилась и разгладила юбку под пледом; во рту было сухо и затхло, веки отяжелели. Я несколько вымокла под дождем и сожалела, что впервые предстану перед неведомым своим нанимателям в столь неопрятном виде. Я никогда не отличалась миловидностью, но обыкновенно старалась извлечь из своей внешности все возможное; увы, тщание мое пошло прахом. Я понадеялась, что меня вскоре по прибытии отпустят и тогда я слегка подправлю нанесенный моему облику урон.

Я не зря воображала длинную подъездную дорожку, и дом открылся нашим взорам лишь спустя несколько минут. То был величественный загородный особняк, хотя до Пемберли ему оказалось далеко. Был он высок и основателен, не лишен барочных изысков, два крыла раскинулись по обе стороны внушительного портика; вероятно, догадалась я, выстроили его в семнадцатом столетии, после Реставрации, когда архитектура поддалась влиянию

европейской моды. Я размышляла, сколько в этом доме спален – вероятно, по меньшей мере дюжина, и по сей ли день используется бальная зала, без которой ни один подобный особняк не обходится. Я отнюдь не была привычна к подобной обстановке и с немалым волнением предвкушала, как буду жить здесь. Но и нечто пугающее было в этом доме, некий мрак, – надо думать, его рассеет завтрашнее утро. И все же, пока я разглядывала свое новое обиталище, меня странным манером подмывало велеть Хеклингу развернуть коляску и отвезти меня обратно в Норвич; там я посижу на вокзале Торп до восхода солнца, а затем возвращусь в Лондон, блистательно оплошав.

– Тпру, Винни, – велел Хеклинг, когда мы подкатили к парадной двери, вышел, похрустел гравием под сапогами, обогнул коляску и выволок мой чемодан. Сообразив, что кучеру не хватает манер открыть мне дверь, я взялась за ручку и попыталась ее повернуть. К моему удивлению, она не поддалась. Я нахмурилась, припомнив, как легко поворачивалась она на вокзале; теперь же ее словно воском залило. – Что, так и будете сидеть? – поинтересовался этот невежа, остановившись у другой двери и даже не пытаясь прийти мне на помощь.

– Я не могу выйти, мистер Хеклинг, – отвечала я. – Мне кажется, дверцу заклинило.

– Все с ней хорошо, с дверцей, – отвечал он, из недр горла отхаркнув нечто устрашающее и сплюнув на дорожку. – Вертайте и вылазьте.

Я вздохнула, снова взялась за ручку – да как же этого человека воспитывали? – надавила и внезапно вспомнила одну свою ученицу, маленькую Джейн Хебли, что в один прекрасный день по некоей неразумной причине ополчилась на школу и не пожелала выходить из уборной для девочек. Я пыталась открыть уборную снаружи, а Джейн что было мочи упиралась изнутри и стойко продержалась несколько минут, пока мне не удалось наконец распахнуть дверь. Такое же впечатление у меня сложилось и сейчас. Нелепица, разумеется, но чем сильнее я давила на ручку, тем, казалось, крепче некая незримая сила держала ее снаружи. Не происходи все это на открытом воздухе и не будь Хеклинг единственным моим спутником, я бы поклясться могла, что надо мною кто-то насмехается.

– Прошу вас, – сказала я, нелюбезно на него воззрившись. – Вы не могли бы мне помочь?

Он вполголоса выругался, бесцеремонно уронил мой чемодан на землю и обошел коляску, а я в раздражении наблюдала за ним, не понимая, отчего он так своенравничает. Я предвкушала, как сейчас он и сам убедится, что я не какая-нибудь бестолковая дамочка, не умеющая повернуть дверную ручку, но, к моему удивлению, едва он коснулся дверцы, та открылась с легкостью, как и часа два назад, когда я садилась в коляску.

– Ничего такого трудного, – проворчал он и отошел, даже не подав мне руки, а я лишь тряхнула головою; да что это со мной? Может, не туда поворачивала? Что за вздор, в самом деле. Дверца была наглухо заперта. Я ее открыть не могла. А он смог. – Годлин-холл, – промолвил он, когда мы приблизились к парадной двери. Хеклинг дернул за толстый шнур, и где-то в доме звякнул колокольчик; кучер между тем поставил чемодан на ступеньку и пальцем коснулся картуза: – Что ж, доброго вам вечерка, гувернана.

– Вы не зайдете? – удивленно спросила я; неужели он так и бросит меня на крыльце, словно я немногим важнее чемодана?

– Я туда не ходок, – отвечал он, удаляясь. – Я вон тама живу.

И, к изумлению моему, он попросту сел в коляску и покатил прочь; я стояла, раскрыв рот и спрашивая себя, со всеми ли новыми домочадцами здесь обращаются подобным образом.

Спустя мгновение дверь отворилась, и я обернулась, ожидая наконец узреть моих неведомых нанимателей.

Но за дверью не обнаружилось ни мужчины, ни женщины – открыла мне девочка. Лет двенадцати, решила я, старше моих маленьких школьниц, очень бледная и красивая. Волосы ее вились локонами до плеч или чуть ниже. Одета она была в белую ночную сорочку, с пуговицей под горлом и длиною по щиколотку; свечи в передней озаряли ее со спины, и она походила на призрака, что немало меня напугало.

– Здравствуйте, – негромко сказала она.

– Добрый вечер, – с улыбкою отвечала я, стараясь взять себя в руки, делая вид, будто все идет как полагается. – Я не ожидала, что дверь откроет хозяйская

дочь.

– Правда? А кого вы ожидали? Премьер-министра?

– Скорее дворецкого, – отвечала я. – Или служанку.

Девочка улыбнулась.

– Обстоятельства наши нынче стеснены, – помолчав, объяснила она.

Я кивнула. С ответом я не нашлась.

– Итак, – сказала я. – Вероятно, мне следует представиться. Меня зовут Элайза Кейн. Я новая гувернантка.

Девочка еле приметно закатила глаза и открыла дверь шире, впуская меня.

– Всего несколько часов прошло, – сказала она.

– После чего?

– После отъезда предыдущей. Мисс Беннет. По крайней мере, она уехала. Очень хотела уехать, ужасно. Но не могла, конечно. Пока не нашла замену. Пожалуй, это было любезно с ее стороны. Делает ей честь. А теперь приехали вы.

Я ступила в дом, не зная, как понимать эту удивительную тираду. Вопреки словам Хеклинга ожидая, что вот-вот спустятся девочкины родители, я огляделась, и великолепие дома поразило меня. Был он весьма традиционен, и хозяева не пожалели средств на убранство. Однако мне почудилось, что подправляли этот дом, пожалуй, не один год назад, а в последнее время о состоянии обстановки почти не заботились. Впрочем, здесь было чисто и царил порядок. Тот, кто вел хозяйство, трудился на совесть. За моей спиной девочка закрыла дверь, и от тяжкого грохота я вздрогнула, в страхе обернулась, а затем испугалась вновь, ибо подле девочки стоял маленький мальчик годами четырьмя ее младше и в такой же накрахмаленной ночной сорочке. Я его не заметила сразу. Должно быть, он прятался за дверью.

– Элайза Кейн, – промолвила девочка, пальцем потеревив нижнюю губу. – Странное имя. Такое простецкое.

– По-моему, у рабочего класса всегда такие имена, – заметил мальчик, сморщившись, точно был довольно-таки, однако, не совершенно уверен в своей правоте. Я взглянула на него, не понимая, нарочно ли он нагрубил, но он дружелюбно улыбнулся, и я решила, что он просто констатировал очевидное. Если уж говорить о классовой принадлежности, вероятно, я и впрямь представляю рабочий класс. В конце концов, я прибыла сюда работать. – У вас в детстве была гувернантка? – спросил он. – Или вы ходили в школу?

– Я ходила в школу, – сказала я. – Святой Елизаветы, в Лондоне.

– Я нередко размышляю, каково это, – сказала девочка. – Мне представляется, Юстас в обыкновенной школе подвергся бы непереносимым страданиям, – прибавила она, кивнув на брата. – Он, как видите, весьма хрупкое дитя, а мальчики бывают очень грубы. Во всяком случае, так мне говорили. Сама я с мальчиками не знакома. Кроме, разумеется, Юстаса. У вас много знакомых мальчиков, мисс Кейн?

– Только братья маленьких девочек, которых я учу, – сказала я. – Говоря точнее, учила. Я, видишь ли, была учительницей.

– В той же школе, куда ходили в детстве?

– Да.

– Боже мой, – слегка усмехнулась она. – Можно подумать, вы так и не повзрослели. Или не захотели взрослеть. Но это правда? О мальчиках? Что они в высшей степени грубы?

– Бывает, – сказала я, озираясь. Мы что, так и будем всю ночь тут беседовать или меня все-таки проводят в мою комнату и представят взрослым? – Что ж, – улыбнулась я, напустив на себя авторитетность. – Как бы то ни было, я прибыла. Вы не могли бы сообщить обо мне вашей маме? Или папе? Может, они не слышали, как подъехала коляска.

Едва я помянула родителей, Юстас слегка напряжился, но ничего не сказал. У девочки отчасти поубавилось высокомерия – она прикусила губу и отвела взгляд; будь ее гримаса несколько отчетливее, в ней читалось бы смущение.

– Бедная Элайза Кейн, – сказала девочка. – Боюсь, вас завлекли сюда обманом. Ведь так говорят, да? – прибавила она. – Я недавно прочла это выражение в книге, и оно весьма мне понравилось.

– Говорят так, – согласилась я. – Но, мне кажется, ты неверно понимаешь, что это значит. Меня наняли к вам гувернанткой. Ваш отец поместил объявление в «Морнинг пост». – Что бы ни говорил Хеклинг, абсурдно предположить, будто предыдущая гувернантка поместила объявление сама.

– В сущности, ничего подобного он не делал, – беспечно отвечала девочка; Юстас прильнул к ней всем телом, и она его обняла. Он и вправду был хрупким ребенком. Казалось, в любую минуту грозит переломиться. – Вероятно, нам лучше присесть, мисс Кейн, – сказала девочка и первой направилась в гостиную. – Вы, надо полагать, устали с дороги.

Забавляясь и тревожась при виде столь взрослого поведения, я в ошеломлении последовала за ней. Она подождала, пока я сяду на длинный диван, затем устроилась в кресле напротив, точно хозяйка Годлин-холла, а не хозяйская дочь. Юстас поколебался между нами, в конце концов сел в дальний угол дивана и принялся разглядывать собственные ноги.

– Так ваши родители дома? – спросила я. Быть может, вся эта история – некий замысловатый розыгрыш, с неудобопонятной целью призванный одурачить осиротевшую молодую женщину. Быть может, в этом семействе все умалишенные.

– Боюсь, что нет, – отвечала она. – Только мы с Юстасом. Миссис Ливермор приходит каждый день и всевозможным манером хлопочет. Она немного стряпает и оставляет нам еду. Надеюсь, вы любите пережаренное мясо и недоваренные овощи. Но она живет в деревне. С Хеклингом вы, разумеется, уже знакомы. У него дом возле конюшен. Ужасный человек, не правда ли? Напоминает мне обезьяну. И пахнет очень странно.

– Он пахнет лошадью, – вставил Юстас, щербато мне улыбнувшись, и я, невзирая на смятение, невольно улыбнулась в ответ.

– Весьма явственно, – согласилась я, а затем в растерянности повернулась к его сестре: – Прости, ты не сказала, как тебя зовут.

– Правда?

– Да.

Она нахмурилась и кивнула.

– Как грубо с моей стороны, – сказала она после бесконечной паузы. – Меня зовут Изабелла Уэстерли. В честь одной из великих королев Испании.

– Изабеллы Кастильской[16 - Изабелла I Кастильская, Изабелла Католичка (1451–1504) – королева Кастилии и Леона, жена Фердинанда II Арагонского; их брак, заключенный в 1469 г., способствовал объединению Испании; помимо прочего, при королеве Изабелле в 1492 г. снарядили экспедицию Христофора Колумба, а также изгнали евреев из Испании.], – сказала я, припомнив уроки истории.

– Именно так, – отвечала она, по видимости, довольная, что я знаю ее тезку. – Понимаете ли, моя мать – уроженка Кантабрии. Отец мой, напротив, родился здесь. В этих самых стенах.

– Значит, ты наполовину англичанка и наполовину испанка? – переспросила я.

– Да, если вам угодно постигать меня частями, – отвечала она.

Я посмотрела на нее, затем обвела взглядом гостиную. Там висели любопытные портреты – предков нынешних обитателей, надо полагать, – и красивый гобелен на стене, обращенной ко двору; хорошо бы, отметила я про себя, внимательно рассмотреть его утром при солнечном свете.

– Но ведь вы не... – начала я, размышляя тем временем, как лучше задать вопрос. – Вы ведь не живете здесь одни? Вдвоем?

– Разумеется, нет, – отвечала Изабелла. – Мы слишком юны, и нас не следует оставлять одних.

Я вздохнула с облегчением.

– Благодарение небесам, – сказала я. – С кем же вы живете, если не с родителями? Не могли бы вы позвать взрослых?

К моему потрясению, ни единым мускулом не шевельнув, Изабелла распахнула рот и оглушительно, душераздирающе завопила. Я не вдруг разобрала, что она лишь прокричала мое имя. Элайза Кейн.

– Что такое? – спросила я, в страхе прижав ладонь к груди. Сердце отчаянно колотилось. Я покосилась на Юстаса, но тот взирал на меня невозмутимо, ярко блестя белками глаз при свечах.

– Прошу меня извинить, – молвила Изабелла, скупно улыбнувшись. – Однако вы просили позвать взрослых.

– И ты позвала меня. Весьма громогласно.

– Вы и есть взрослый, – пояснила она. – Поскольку мисс Беннет отбыла. Вы заняли ее место. Вы здесь единственный взрослый и ответственный человек.

– Ха! – слегка усмехнулся Юстас, встряхнув головою, будто заявление сестры не внушило ему особого доверия. Удивился не он один. Я совершенно растерялась.

– Однако объявление... – начала я, уже утомившись растолковывать вновь и вновь.

– Разместила мисс Беннет, – сказала Изабелла. – Я же вам объяснила. Вы заняли ее место.

– Но кто за все отвечает? Кто, скажем, платит мне жалованье?

– Мистер Рейзен.

Опять этот мистер Рейзен. Стряпчий. Значит, Хек-линг не вполне меня обманул.

- И где же, позволь спросить, сей мистер Рейзен?

- Живет в деревне. Утром я могу вас проводить, если желаете.

Я глянула на замечательно красивые напольные часы в углу. Уже миновало десять вечера.

- Мистер Рейзен обо всем печется, - продолжала Изабелла. - Он платит гувернантке, он платит миссис Ливермор и Хеклингу. Дает нам деньги на карманные расходы.

- И отчитывается перед вашими родителями?

На сей раз Изабелла пожала плечами и отвернулась.

- Вы, вероятно, устали, - сказала она.

- Весьма, - подтвердила я. - День выдался нелегкий.

- И голодны? В кухне наверняка найдется что-нибудь, если...

- Нет, - сказала я и вскочила. Довольно с меня на один вечер. - Нет, меня несколько укачало в коляске. Быть может, вам лучше проводить меня в спальню. Я выплюсь, и все наладится, а завтра я разыщу мистера Рейзена и во всем разберусь.

- Как вам угодно, - промолвила Изабелла и тоже поднялась. Юстас мигом вскочил и прижался к ней. Она улыбнулась мне, снова напустив на себя хозяйскую личину. - Будьте любезны, следуйте за мной.

Мы поднялись по лестнице. Была она величественна и изысканна; не удержавшись, я ладонью погладила мраморную балюстраду. Ковер под ногами также оказался весьма роскошен, хотя его, как и все прочее в доме, похоже, несколько лет не меняли.

– Мы с Юстасом спим на втором этаже, – сказала Изабелла, указав в конец коридора; дверей я почти не разглядела, ибо мрак освещала лишь одинокая девочкина свеча. – Вы этажом выше. Надеюсь, вам понравится. Я всей душой на это надеюсь.

Я вгляделась в нее, не понимая, имела ли она в виду пошутить, однако в лице ее читался скорее стоицизм. Мы поднимались дальше – Изабелла со свечой на три ступени опережала Юстаса, тот на три ступени опережал меня. Я посмотрела на его босые ноги. Были они очень маленькие, и на пятках различались рубцы, словно он носил обувь, из которой уже вырос. Кто приглядывает за этим мальчиком, если в доме нет взрослых?

– Сюда, Элайза Кейн, – позвала Изабелла, пробираясь по коридору, а затем распахнула тяжелую дубовую дверь и вошла в спальню.

Спустя несколько мгновений перешагнув порог, я мысленно поблагодарила Изабеллу за то, что своей свечой она зажгла в комнате три другие; обстановка теперь проступала отчетливее, и я осмотрелась. Комната оказалась весьма уютна, велика и просторна, было в ней не холодно и не жарко, постель виделась мне удобной. Беспокойство рассеялось, и я прониклась добрыми чувствами к этим детям и к этому дому. Утром, решила я, все будет хорошо. Все прояснится.

– Что ж, доброй ночи, – сказала Изабелла и направилась к двери. – Надеюсь, вы будете почивать спокойно.

– Доброй ночи, мисс Кейн, – сказал Юстас, устремившись за сестрой, и я улыбнулась, кивнула им обоим, пожелала доброй ночи и крепкого сна и прибавила, что с нетерпением жду завтрашнего более обстоятельного с ними знакомства.

Оставшись одна впервые с той минуты, когда поутру заперла за собою дверь дома, я присела на постель, вздохнула с облегчением и огляделась. Меня подмывало разрыдаться над несообразностью миновавшего дня и расхохотаться над его несуразностью. Я расстегнула чемодан, однако решила, что вынимать вещи и развешивать их в гардеробе и раскладывать на столе пока не стоит. Это подождет до утра. Я лишь извлекла ночную сорочку, с наслаждением стянула с

себя промокшую одежду, облачилась ко сну и слегка умылась над тазиком, что стоял на тумбочке подле кувшина воды. Отдернув штору, я выглянула в окно и с удовлетворением обнаружила, что оно расположено на фасаде и смотрит на лужайку. Я попыталась открыть высокую раму, дабы вдохнуть ночного воздуха, однако рама оказалась запечатана и усилиям моим не поддавалась. Вдалеке петляла дорожка, что привела к дому нас с Хеклингем; совершенно опустевшее поместье заливал свет месяца небесного. Успокоенная, я легла в постель – матрас надлежащим образом пружинил, подушки оказались мягки. Все будет хорошо, сказала я себе. Жизнь неизменно налаживается, едва как следует выспишься.

Я задула последнюю свечу на тумбочке, до плеч натянула одеяло, закрыла глаза и зевнула во весь рот. Издалека донесся весьма неприятный крик – я было решила, что это Винни отходит ко сну, но затем крик повторился, и то кричала не лошадь; нет, решила я, вероятнее всего, это ветер в ветвях, ибо он успел разбушеваться, а в окно застучал дождь. Ветер стонал ужасно, точно женщина, удушаемая до смерти, однако дневные странствия и непостижимая троица моих новых знакомых в Годлин-холле утомили меня сверх всякой меры, и никакой ветер, сказала я себе, не воспрепятствует моим ночным грезам.

Я закрыла глаза и вздохнула, зарываясь глубже под одеяло, в любую секунду ожидая ступнями коснуться деревянного изножья, но так до него и не достав; я улыбнулась, поняв, что кровать эта больше меня и можно разлечься во весь рост, а затем так и поступила, блаженно расслабляя усталые ноги, вытягивая их как можно дальше, шевеля пальцами под одеялом, и невероятное наслаждение владело мною, пока чьи-то руки не обхватили меня крепко за щиколотки, стиснув их до самых костей, и не потянули в недра постели; я вскрикнула и поспешно согнула коленки, недоумевая, что за ужасный кошмар привиделся мне. Соскочив на пол, я отдернула шторы и сорвала одеяло, но на постели ничего не было. Я взирала на нее, и сердце мое колотилось. Мне это не почудилось. Две руки схватили меня за щиколотки и потянули. Я еще чувствовала их прикосновение. Я стояла, застыв в потрясении, но не успела я собраться с мыслями, как дверь распахнулась, коридор ослепительно засиял, и в проеме возникла белая призрачная фигура.

Изабелла.

– Все благополучно, Элайза Кейн? – осведомилась она.

Я снова вскрикнула и ринулась к ней, к утешительному огоньку свечи.

– Там что-то... – начала я, не понимая, как объяснить. – В постели, там... я почувствовала...

Она приблизилась, свечою повела над кроватью, оглядела ее всю, от подушек до изножья.

– Здесь решительно ничего нет, – сообщила она. – Вам привиделся дурной сон?

Я задумалась. Иного резонного объяснения не было.

– По видимости, – сказала я. – Мне казалось, я еще бодрствую, но, наверное, задремала. Прости, что побеспокоила. Я не... я не знаю, что на меня нашло.

– Должна отметить, что вы разбудили Юстаса. Он чутко спит.

– Я прошу за это прощения.

Она взвела бровь, будто раздумывая, в силах ли меня простить, но в конце концов вежливо кивнула и вновь отбыла, прикрыв за собою дверь.

Долго-долго стояла я у кровати, внушая себе, что во всем повинно разыгравшееся воображение; наконец, не задернув штор, дабы в комнату проникал лунный свет, я опять забралась в постель, укрылась одеялом и медленно, очень медленно вытянула ноги, каковые не обнаружили ничего, кроме мягких простыней.

Я закрыла глаза, уверенная, что теперь и вовсе не усну, однако утомление, очевидно, взяло свое, ибо, когда я очнулась, в окна струился солнечный свет, дождь и ветер прекратились и настал новый день – мой первый день в Годлин-холле.

Глава седьмая

С немалым облегчением я узрела, сколь ясно и солнечно мое первое утро в Годлине; удивительно, впрочем, что ночной ливень сменился столь замечательной картиной. Разумеется, я не имела никакого представления о погодах в Норфолке – быть может, таковы типические последствия ночных гроз, – но не припоминаю, когда еще мне выпадало просыпаться под столь чистыми небесами и в столь живительном тепле. Лондонский воздух неизменно насыщали мгла густого тумана и запах горящего угля, и невозможно было стряхнуть ощущение, будто некий чужеродный пакостный налет украдкой обволакивает тебя, просачивается в поры и пропитывает все тело, незримо его убивая; здесь же я через огромные окна взирала на поместье, и мнилось мне, что стоит лишь выбежать наружу и наполнить легкие чистым и благодатным сельским воздухом, как все беды минувшей недели рассеются и лишатся власти над состоянием моей души.

Оптимизм придал бодрости духу, коему иначе угрожали бы смятение и одиночество. К удивлению своему, я замечательно выпалась, и всевозможные напасти вчерашнего дня – несостоявшееся свидание со смертью на вокзале, малоудачная беседа с Хеклингом, сомнения касательно моих нанимателей, этот нелепый кошмар, что привиделся мне в постели (ибо я совершенно уверилась, что это был кошмар и не более, фантазия, порожденная изнеможением и голодом), – все это отступило прочь. Настал первый день моей новой жизни вдали от Лондона, и я была полна решимости прожить его хорошо.

Почуяв аромат стряпни, я зашагала к его источнику анфиладою комнат первого этажа, и чем далее шла, тем сильнее становился запах. Я миновала гостиную, где накануне вечером сидела с детьми, весьма прихотливо убранную столовую, где за столом разместились бы двадцать персон, небольшую и чудесно освещенную читальню, коридор, где по стенам висели акварельные изображения бабочек, и, наконец, вошла в кухню. Я не знала, где трапезничают Уэстерли по утрам, поскольку дом мне еще толком не показали, но была уверена, что, пойдя на запах, обнаружу все семейство – они завтракают и ожидают меня. Весь этот вздор касательно родителей Изабеллы и Юстаса вот-вот разъяснится.

Но, как ни странно, кухня пустовала, хотя ароматы ясно говорили мне, что совсем недавно кто-то здесь стряпал.

– Доброе утро, – крикнула я и направилась к буфетной в поисках кухарки. – Есть тут кто-нибудь?

Однако нет, никого там не было. Я огляделась: полки ломились от провизии; в корзинах лежали свежие овощи и фрукты; в холодном шкафу обнаружили куски птицы и говядины в стеклянных лотках. На окне, подле каравая хлеба с орехами, уже укороченного на несколько ломтей, стояла плошка с коричневыми яйцами. Задумавшись, как поступить дальше, я обратила взгляд на красивое арочное окно в романском стиле, за которым узрела дородную женщину средних лет в платье служанки, пальто и шляпе, с набитой сумкой в левой руке; грузная фигура направлялась по гравийной дорожке к конюшням Хеклинга, – должно быть, это помянутая накануне миссис Ливермор. Я не уточнила, кто она такая, предположив, что она служит экономкою, но наряд ее говорил о другом.

Ключ в двери буфетной не поддавался, и дверь поначалу не желала открываться, как и окна в моей спальне, – вновь попробовав с утра, я обнаружила, что они запечатаны наглухо. Эту дверь, впрочем, я одолела и вышла наружу, как раз когда женщина свернула за угол и пропала с глаз. Я окликнула ее, надеясь, что она услышит и вернется, однако ничего подобного не произошло, и я довольно резво устремилась следом, но за углом, куда я свернула спустя считанные секунды, женщины не оказалось. Я изумленно огляделась – ей некуда было спрятаться и никак невозможно так скоро пересечь двор, – но непреложный факт оставался непреложен: мгновение назад женщина была здесь, а теперь исчезла. По левую руку, за рощицей, у дверей конюшен смиренно стояла Винни, и от взгляда ее мне стало не по себе. Делать было нечего, и я в замешательстве возвратилась к буфетной.

К моему неудовольствию, дверь ее захлопнулась и заперлась изнутри – я не постигала, как это возможно, если я распахнула ее настежь, а в тот день не было ни ветерка; пришлось мне обогнуть дом, войти через парадную дверь – по счастью, открытую – и вновь проделать весь путь по первому этажу.

Нахмурившись, я села за кухонный стол, размышляя, как дальше поступить. Ожидается, что я сама сготовлю себе завтрак? А дети уже поели? Проснулись ли они или мне полагается их будить? Я уже решила было сходить наверх и постучаться к Изабелле, но тут, к ужасу моему, чьи-то руки схватили меня за щиколотки под столом, в точности как ужасное существо из моих ночных фантазий; однако не успела я закричать или вскочить, как из-под стола, озорно улыбаясь, торопливо выбрался маленький мальчик.

– Юстас, – сказала я, качая головой и прижимая ладонь к груди. – Ты меня напугал.

– А вы меня и не видели, да?

– Не видела, – улыбнулась я. На него невозможно было сердиться. – Я думала, я здесь одна.

– В Годлин-холле один не бываешь, – отвечал он. – Мисс Харкнесс говорила, она бы отдала месячное жалованье за единственный день тишины и покоя.

– Я предпочитаю общество, – сказала я. – Если б хотела одиночества, осталась бы в Лондоне. Ну надо же! – прибавила я спустя мгновение, поднявшись и оглядев его с ног до головы. – Какой ты красавец!

Это правда, выглядел он замечательно. Он надел опрятные белые брюки, белую сорочку с галстучком и синюю саржевую курточку – мне захотелось погладить эту саржу, ощутить под пальцами дорогую ткань, как неделей раньше, едва на сцену вышел мистер Диккенс в своем жилете. Юстас к тому же помылся: я слышала густой запах карболового мыла. Волосы аккуратно расчесаны на косо пробор и слегка напомажены, чтобы не растрепались. Такой благопристойный, будто собрался в гости или на службу в церковь.

– Мама любит, чтобы я всегда красиво одевался, – доверительно поведал он, чуть склонившись ко мне, хотя в кухне мы были одни. – Она говорит, настоящий джентльмен всегда одевается дома так же, как на выход. Никогда ведь не знаешь, кто нанесет визит.

– Согласна, – сказала я. – Но когда я была маленькая, немногим старше тебя, я предпочитала повседневную одежду, если мы не ждали гостей. Мне так было удобнее. Тебе не жарко? Тем более в такой теплый день?

– Мама любит так, – заупрямился он и сел рядом со мною. – Хотите позавтракать? Вы же, наверное, проголодались.

– Весьма, – призналась я. – Но мне не удалось разыскать кухарку.

– У нас нет кухарки, – сказал Юстас. – Теперь нет. Раньше, конечно, была. Ее звали миссис Хейз. От нее пахло супом, и она вечно ерошила мне волосы. Пришлось ее отчитать. Это же вольность, правда? Но она хорошо стряпала, – прибавил он, глубокомысленно кивнув. – А теперь ее нет. Ушла. Ну, после.

– После? – переспросила я, но он лишь пожал плечами и отвернулся. – А кто готовит вам еду, если у вас нет прислуги?

– Обычно гувернантка. Или Изабелла. Моя сестра неплохо стряпает. Я ее дразню, говорю, что однажды она пойдет в услужение, но она меня за это бьет, и я, наверное, больше так не буду.

Я обвела взглядом кухню, сдерживая потрясенный смешок. Положение было несносное. Неужели мне полагается взять на себя всю работу по дому? В объявлении ни словом не поминалась стряпня; впрочем, я уже догадалась, сколь оно было лживо.

– Но это же невыносимо, – всплеснула руками я. – Я не знаю, где тут у вас что, я не знаю, что вы любите. И поутру здесь явно кто-то стряпал. Я почувала.

– А. – Юстас, подошел к печи и открыл заслонку. – Точно. Смотрите, тут завтрак на двоих. Ура! Наверное, Изабелла приготовила. Она бывает весьма заботлива, когда не дерется. Надо съесть, пока все не изгадилось.

Я невольно рассмеялась: как странно он выразился. Но в печи и вправду грелись две тарелки – я достала их посредством кухонной тряпки, дабы не обжечься, и выставила на стол. Безыскусная снедь: пара колбасок, бекон, болтунья. Любой разумный человек в силах состряпать такое, и, однако, пицца, сготовленная Изабеллой, казалась практически несъедобной. Может, перестояла в печи.

– А Хеклинг? – спросила я, едва мы приступили к еде; первый свой вопрос я задала по возможности невинно, дабы Юстас наверняка ответил на второй. – Где он ест?

Юстас пожал плечами.

– Наверное, в конюшне, – сказал он. – С лошадьми.

– А другая женщина? Служанка?

– Какая служанка?

– Я видела ее сегодня – она шла по двору. Где она ест?

– У нас нет служанки.

– Нехорошо обманывать, Юстас, – возразила я как могла беспечно. – Я видела ее, и десяти минут не прошло. Я пошла за ней следом, но она куда-то пропала.

– У нас нет служанки, – не отступал он.

– Тогда что за женщину с сумкой и в платье прислуги я видела в окно буфетной? Я что, выдумала ее?

Некоторое время он молчал, и я решила его не торопить. Пускай ответит, когда захочет. А до тех пор я ни звука не пророню.

– Я о ней мало знаю, – наконец сказал он. – Она приходит, уходит, и все. Мне нельзя с ней разговаривать.

– Это кто сказал?

– Моя сестра.

Я поразмыслила.

– А почему? – спросила я. – Изабелла и миссис Ливермор не ладят? Ее ведь миссис Ливермор зовут? Изабелла вчера упомянула это имя.

Он кивнул.

– Они не дружат? – продолжала я. – Поругались?

– Не понимаю, отчего вы полагаете, будто мы негодные дети, – внезапно заявил Юстас, нахмурился и отложил нож с вилкой. Затем встал и угрюмо воззрился на меня. – Вы ведь едва с нами познакомились. По-моему, несправедливо утверждать, будто я обманываю, а моя сестра со всеми подряд ругается, если вы еще сутки назад нас даже не знали.

– Я отнюдь не думаю ничего такого, – сказала я, слегка покраснев. – Ты очень вежливый мальчик, в этом не приходится сомневаться. Я вовсе не желала тебя обижать. Я просто... ну, не знаю, но все едино прошу прощения. И я уверена, что, если Изабелла и миссис Ливермор не дружат, тому есть причина. Мне показалось, Изабелла тоже очень вежливая.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию (<http://www.litres.ru/dzhon-boyn/zdes-obitaut-prizraki/?lfrom=201227127>) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

notes

Примечания

«Иллюстрированные лондонские вести» (The Illustrated London News, 1842–2003) – первая в мире газета с иллюстрациями (до 1971 г. еженедельная); в описываемый период ее тираж составлял около 300 тысяч экземпляров. – Здесь и далее примеч. перев. Переводчик благодарит за поддержку Евгения Левина.

2

В начале американской Войны за независимость, 18 октября 1775 г., корабли британского королевского флота сожгли колониальный порт Фалмут, штат Мэн, в назидание всем, кто поддерживал американских патриотов, желавших отделиться от Британии; событие это, разумеется, только укрепило патриотические настроения среди населения города. В 1786 г. жители Фалмута основали Портленд на месте городского портового района. В 1866 г., за год до описываемых в романе событий, во время празднования Дня независимости в Портленде случился пожар, после чего город пришлось по большей части отстраивать заново.

3

«Сверчок за очагом. Семейная сказка» (The Cricket on the Hearth. A Fairy Tale of Home, 1845) – рождественская повесть Чарльза Диккенса, в которой сверчок выступает ангелом-хранителем семейства главных героев.

4

Мисс Хэвишем – персонаж романа Диккенса «Большие надежды» (Great Expectations, 1861), старая дева, которую ограбил и бросил у алтаря жених.

5

Пер. В. Топер.

6

Фонарик (Bull's-Eye) – собака персонажа второго романа Диккенса, «Приключения Оливера Твиста» (Oliver Twist; or, The Parish Boy's Progress, 1837–1839), пер. А. Кривцовой.

7

Принцесса Елена Августа Виктория, в браке принцесса Шлезвиг-Гольштейнская (1846–1923) – пятый ребенок королевы Виктории и принца Альберта; как и ее мать, принцесса очень тяжело переживала смерть принца Альберта в 1861 г., из-за чего первые годы после его смерти ее не удавалось привлечь к королевским делам – она в любой момент могла разрыдаться.

8

Замок Бэлморал построен в 1390 г. сэром Уильямом Драммондом в Абердиншире, Шотландия, приобретен королевой Викторией и принцем Альбертом в 1848 г. и существенно перестроен; после смерти принца Альберта королева уезжала туда все чаще и проводила в замке по нескольку месяцев в год.

9

10

Сэм Уэллер – персонаж первого романа Чарльза Диккенса, «Посмертные записки Пиквикского клуба» (The Posthumous Papers of the Pickwick Club, 1836–1837), слуга и компаньон мистера Пиквика, ловкач и остроумец. Дэвид Копперфильд – главный герой романа «Жизнь Дэвида Копперфильда, рассказанная им самим» (The Personal History, Adventures, Experience and Observation of David Copperfield the Younger of Blunderstone Rookery [Which He Never Meant to Publish on Any Account], 1849–1850). Нелл Трент – главная героиня романа «Лавка древностей» (The Old Curiosity Shop, 1840–1841).

11

«Круглый год» (All the Year Round, 1859–1895) – британский еженедельник, основанный Чарльзом Диккенсом; помимо самого Диккенса, который до конца жизни его редактировал, в нем публиковались Уилки Коллинз, Энтони Троллоп, Элизабет Гаскелл, Шеридан Ле Фаню и др.

12

Рассказ Чарльза Диккенса «Сигнальщик» (The Signal-Man) входил в состав сборника «Узловая Магби» (Mugby Junction), в котором были также рассказы Чарльза Коллинза, Амелии Б. Эдвардс, Эндрю Холлидея и Хесбы Стреттон; однако в описываемый момент публикация в рождественском номере «Круглого года» уже состоялась – рассказ вышел в декабре 1866 г. Первая фраза цитируется в пер. С. Сухарева.

13

Николас Никльби – главный герой третьего романа Диккенса, «Жизнь и приключения Николаса Никльби» (The Life and Adventures of Nicholas Nickleby, 1838-1839).

14

Фразы, открывающие повесть Диккенса «Рождественская песнь в прозе: святочный рассказ с привидениями» (A Christmas Carol in Prose, Being a Ghost Story of Christmas, 1843), пер. Т. Озерской; Джейкоб Марли – бывший компаньон главного героя, скряги Эбинейзера Скруджа, он является Скруджу в сочельник и предупреждает его о грядущем появлении трех Святочных Духов.

15

Баркис – персонаж «Жизни Дэвида Копперфильда, рассказанной им самим», возчик, который через Дэвида передает служанке семейства Копперфильдов Кларе Пегготи свое крайне лаконичное предложение выйти за него замуж, облеченное в слова «Баркис не прочь»; пер. А. Кривцовой и Е. Ланна.

16

Изабелла I Кастильская, Изабелла Католичка (1451-1504) – королева Кастилии и Леона, жена Фердинанда II Арагонского; их брак, заключенный в 1469 г., способствовал объединению Испании; помимо прочего, при королеве Изабелле в 1492 г. снарядили экспедицию Христофора Колумба, а также изгнали евреев из Испании.

Купить: <https://tellnovel.com/ru/dzhon-boyn/zdes-obitayut-prizraki-kupit>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)